

TROIKA

Russia's westerly poetry in three orchestral song cycles

EN
FR
RU

JULIA KOGAN, soprano

JEFFERY MEYER, conductor

St. PETERSBURG CHAMBER PHILHARMONIC

"there..." • "Sing, Poetry" • "Caprice étrange"

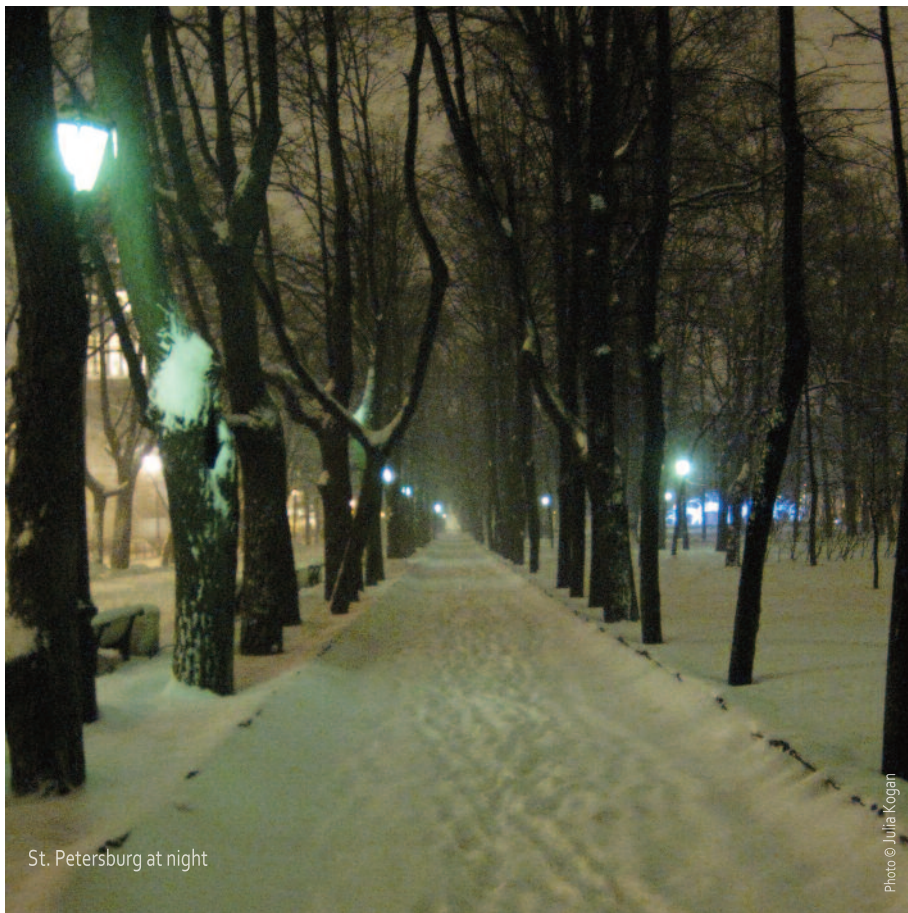
Russian, French and English poems

by Brodsky, Lermontov, Nabokov, Pushkin, and Tyutchev

Music by Aboulker, Barbotin, Bekmambetov, Greenberg,
DeMars, Rubtsov, Schelle, and Zhurbin

"...thoroughly absorbing..." *The Washington Post*

"...lyrical, thick orchestral textures...redolent of Shostakovich, Piazzola and Weill" *The New York Times*

St. Petersburg at night

Photo © Julia Kogan

*RUSSIA'S WESTERLY POETRY
IN THREE ORCHESTRAL SONG CYCLES*

"there..."

"Sing, Poetry"

"Caprice étrange"

Russian, French and English poems by

Joseph Brodsky (1940 - 1996)

Mikhail Lermontov (1814 - 1841)

Vladimir Nabokov (1899 - 1977)

Aleksandr Pushkin (1799 - 1837)

Fyodor Tyutchev (1803 - 1873)

Music by

Isabelle Aboulker

Ivan Barbotin

Eskender Bekmambetov

Jay Greenberg

James DeMars

Andrey Rubtsov

Michael Schelle

Lev Zhurbin

Jeffery Meyer and Julia Kogan after a recording session

TROIKA

Julia Kogan, soprano

Jeffery Meyer, conductor

St. Petersburg Chamber Philharmonic

"there..."

"Sing, Poetry"

"Caprice étrange"

The New Jules Verne (English version) with Chamber Orchestra Kremlin
Weill Hall at Carnegie Hall, February 12, 2008

'Blanche' re-reading Lt. Benz' letters ten years later, whisky bottle in hand

Photo © Julien Jourdes for The New York Times

TROIKA

In the world of poetry, Russia occupies an inimitable place – be it because of its idiosyncratic development, its highly melodic language, the importance of poetry in Russian society, the characteristic prosody of Russian verse, or its sheer richness.

Russian composers combined Russian poetry with musical settings to great effect, both in art song and in opera, and yet, for the Western listener, sadly and inevitably, something is lost in translation. It may be the subtlety of the author's intended meaning, the prosodic effect, the atmosphere, or any number of other important characteristics that make poetry what it is. And so, short of embarking on the study of one of the world's most difficult and nuanced languages, the listener must simply accept that Russian song can never quite be experienced as intended. Yet, fortunately, some of Russia's greatest poets had such fluency in other languages as to translate their Russian work and even write original verse. These poems, set to music by eight outstanding contemporary composers, resulted in "Troika".

While in Russian, "troika" can refer to a trio of anything, it is particularly strongly associated with the image of three horses harnessed together galloping through a snow-covered Russian landscape. In the same spirit, this disc is comprised of three distinct orchestral song cycles joined by a common theme, just as it involves three distinct languages in the service of Russian poetry.

The first cycle, "there...", is based on poetry by Joseph Brodsky (1940-1996), one of a handful of major writers to have left an extensive legacy in more than one language. Born in the USSR, Joseph Brodsky was already considered by many to be a classic of Russian poetry by the time he was forced into exile at the age of thirty-two. After arriving in the United States, he not only immersed himself in English-language literature, but also increasingly wrote – essays, translations, and ultimately original poetry – in his adopted language. The five poems selected for the cycle – "The Fifth Anniversary", "Stone Villages", "Folk Tune", "Lullaby", and "The New Jules Verne" – deliberately represent distinct facets of Brodsky's poetic output, from the autobiographical to the lyrical to the satirical. Eskender Bekmambetov set all of the texts to music, seeking to reflect both the individuality of the different language versions and their commonalities.

3

Although their life paths, interests, and styles could hardly have been more different, Vladimir Nabokov (1899-1977) and Joseph Brodsky shared their unsurpassed mastery of the Russian language together with a deep interest and formidable skill in transforming their Russian texts into English. If Pushkin, Lermontov and Tyutchev are known to the anglophone reader today, it is thanks at least in part to a little book titled "Three Russian Poets" comprised of translations by Nabokov. Although known worldwide as an English-language novelist, he was also a prodigious poet and translator who, towards the end of his life, translated a number of his early Russian poems into English. Three such poems were chosen for "**Sing, Poetry**", and their bilingualism is handled very differently from that of the Brodsky cycle: the Russian and English versions of each poem are set to music by a Russian and an American composer working independently. When the same underlying sentiment is given a Russian and English reading by fine literary-minded musicians, the outcome is fascinating and rich in insight. The three poems of the cycle are "The Rain Has Flown" (music by Lev Zhurbin and Michael Schelle), "I Still Keep Mute" (music by Andrey Rubtsov and Jay Greenberg), and "Providence" (music by Ivan Barbotin and James DeMars). Written when Nabokov was, respectively, 18, 20, and 24, while their English self-translations were crafted decades later, the poems are yet another powerful illustration of Nabokov's acknowledged virtuosity in both languages.

The final cycle, "**Caprice étrange**", with music by Isabelle Abouker, is based on French-language poems written by the greatest exponents of the golden age of Russian poetry: Aleksandr Pushkin (1799-1837), Mikhail Lermontov (1814-1841), and Fiodor Tyutchev (1803-1873). While the playful and self-deprecating "Mon Portrait" is very much the work of a school boy (Pushkin was 15 at the time), "Couplets" / "Jusqu'au plaisir de nous revoir", written just three years later sparkles with unmistakably Pushkinian style. "Quand je te vois sourire..." renders in French a youthful Lermontov's signature romanticism, and Tyutchev's "Nous avons pu tous deux..." is a poignant meditation. The end result is a francophone celebration of the uniquely Russian brand of early 19th century verse.

Together, the three song cycles permit a non-Russian speaker to sense some of the spirit of this beautiful language. For the Russian listener, "Troika" offers an opportunity to discover a lesser-known occidental side to some of the most important writers the country has produced. Perhaps it will give listeners a novel viewpoint on links between cultures, on the workings of poetry, on the way music interacts with the emotional content

of words. From a musical standpoint, the listener will find a diverse collection of contemporary orchestral song compositions. Lastly, "Troika" is a sincere homage to some of Russia's most expressive writers as seen through the eyes of today's thrilling composers.

Over the course of the more than four years it took to bring this project to fruition, I was struck by how the coming together of different cultures, languages, art forms, and epochs has resulted in a virtuous circle of creativity. How can I begin to convey my pleasure at receiving the compositions, one at a time, the best gift a performer can receive, and reading through the scores? Each of the compositions that ended up on this disc was a love-at-first-sight experience for me. Each composer took my conception of the cycle and choice of poems and created a mini-world unlike any other.

An undertaking such as this could not have been completed without the collaboration, help, and encouragement of many people. Firstly, I owe the biggest debt of gratitude to Misha Rachlevsky, director of Chamber Orchestra Kremlin, without whom none of this would have been possible. His offer to commission a piece based on poems of my choosing from Eskender Bekmambetov in 2006 became the catalyst for "there...", which Chamber Orchestra Kremlin performed at the Slobodkin Center in Moscow, as well as at Carnegie Hall's Weill Hall, the Baryshnikov Arts Center and the Library of Congress in Washington D. C., garnering praise from The New York Times and The Washington Post. The rest of "Troika" was largely built upon the success of this first creation. I would also like to thank, in alphabetical order, four other people whose generous help has been essential, and who are not listed elsewhere in this booklet: Mikhail Baryshnikov, Anne Kjellberg, Charles Letourneau and Dmitri Nabokov.

Julia Kogan

TROIKA

La place incomparable que la Russie occupe dans le monde de la poésie s'explique sans doute par son développement particulier, par la force mélodique de sa langue, par l'importance du rôle que joue la poésie dans la société russe, par la prosodie caractéristique de ses vers ou par son extraordinaire richesse.

Les compositeurs russes les plus talentueux ont merveilleusement réussi à mettre en musique la poésie russe que ce soit dans des chants lyriques ou des opéras. Cependant, fait triste mais inévitable, quelque chose est perdu dans la traduction pour l'auditeur occidental : cela peut être la subtilité de l'intention de l'auteur, l'effet prosodique, l'atmosphère de l'œuvre ou quelque élément que ce soit parmi des caractéristiques importantes qui font de la poésie l'art que nous connaissons. A défaut d'embarquer pour le voyage au cœur de l'une des langues les plus difficiles et les plus nuancées au monde, l'auditeur doit simplement accepter qu'il ne pourra jamais vivre l'œuvre comme l'artiste l'aurait voulu. Néanmoins, par chance, quelques uns des plus grands poètes russes avaient une telle connaissance des autres langues qu'ils ont pu traduire leur propre œuvre écrite en russe, voire écrire directement des vers en langue étrangère. Ce sont ces poèmes mis en musique par quelques compositeurs actuels les plus doués qui ont permis à « Troïka » de voir le jour.

Si, en russe, « troïka » fait référence à un trio, quel qu'il soit, ce mot renvoie cependant avec une force particulière à l'image de trois chevaux harnachés ensemble, galopant à travers les paysages enneigés de la Russie. Structuré dans le même esprit, ce disque se compose de trois cycles de mélodies orchestrales distinctes mais reliées par un thème commun exactement comme le sont les trois langues (russe, anglais et français) au service de la poésie russe.

Le premier cycle, « **there...** » (« là-bas... ») se base sur des poèmes de Joseph Brodsky (1940-1996), l'un des rares auteurs majeurs à avoir laissé un héritage considérable dans plus d'une langue. Beaucoup considéraient déjà Joseph Brodsky, né en URSS, comme un grand classique de la poésie russe lorsque celui-ci dut partir en exil, à trente-deux ans. Après son arrivée aux Etats-Unis, il s'immergea non seulement dans la littérature anglophone mais écrivit également de plus en plus dans sa langue d'adoption. On peut lire des essais, des traductions et enfin des poèmes en langue originale. Les cinq poèmes sélectionnés pour le cycle – « The Fifth Anniversary », « Stone Villages », « Folk Tune », « Lullaby » et « The New Jules Verne » – représentent de manière délibérée différentes facettes de la production poétique de Brodsky, qu'elle soit autobiographique,

lyrique ou satirique. Eskender Bekmambetov a mis tous ces textes en musique en cherchant à refléter à la fois l'individualité des différentes versions et leurs thèmes communs.

Bien que leurs vies, leurs intérêts et leurs styles aient difficilement pu être plus éloignés les uns des autres, Vladimir Nabokov (1899-1977) et Joseph Brodsky avaient cependant en commun une maîtrise inégalée de la langue russe, ainsi qu'un savoir-faire pour transposer leurs textes russes en anglais. Si le lecteur anglophone actuel connaît Pouchkine, Lermontov et Tioutchev, c'est en partie grâce à un petit livre intitulé « Three Russian poets » (trois poètes russes) recueillant des traductions de Nabokov. Connu mondialement en tant que romancier anglophone, Nabokov était également un poète et un traducteur prodigieux qui, vers la fin de sa vie, traduisit nombre de ses poèmes de jeunesse en anglais. Trois de ces poèmes-là ont été choisis pour « **Sing, Poetry** » (« Chante, Poésie »). Leur bilinguisme a été traité de manière très différente de celui du cycle de Brodsky : les versions anglaises et russes de chaque poème ont été mises en musique par un compositeur russe et un compositeur américain travaillant séparément. Lorsque des musiciens aux sensibilités littéraires exceptionnelles proposent une double lecture, russe et anglaise, du même sentiment sous-jacent, le résultat promet d'être fascinant. Les trois poèmes du cycle sont « The Rain Has Flown » (musique de Lev Zhurbin et Michael Schelle), « I Still Keep Mute » (musique d'Andrey Rubtsov et Jay Greenberg) et « Provence » (musique d'Ivan Barbotin et James DeMars). Ces poèmes ont été écrits lorsque Nabokov était respectivement âgé de 18, 20 et 24 ans ; leur traduction en anglais a été façonnée par Nabokov lui-même des décennies plus tard. Ils illustrent cependant encore la virtuosité reconnue de Nabokov dans cette langue.

Le dernier cycle, « **Caprice étrange** », mis en musique par Isabelle Aboulker, est tiré des poèmes en français écrits par les plus grands représentants de l'âge d'or de la poésie russe : Alexandre Pouchkine (1799-1837), Mikhail Lermontov (1814-1841) et Fiodor Tioutchev (1803-1873). Si « Mon Portrait », poème plein d'espièglerie et d'autodépréciation, correspond tout à fait à l'œuvre d'un lycéen (Pouchkine avait 15 ans à cette époque), « Couplets/Jusqu'au plaisir de nous revoir », écrit seulement trois ans plus tard, brille, lui, indéniablement des feux du style pouchkinien. « Quand je te vois sourire... » donne en français une œuvre d'un romantisme juvénile portant la signature de Lermontov et le « Nous avons pu tous deux... » de Tioutchev est une méditation poignante. Le résultat final est une célébration francophone du caractère spécifiquement russe de cette poésie du début du 19ème siècle.

Ensemble, ces trois cycles de mélodies permettent à un public non-russophone d'approcher de l'esprit de cette langue magnifique comme jamais auparavant. Pour le public russe, « Troïka » offre la possibilité de découvrir

un côté occidental, moins connu, de quelques uns des plus éminents écrivains de ce pays. On peut espérer que ce projet offrira à tous les publics une approche originale des liens entre les cultures, des mécanismes de la poésie, de la manière dont la musique interagit avec le contenu émotionnel des mots. Le mélomane y trouvera une collection variée de compositions actuelles de chant orchestral. Enfin, « Troïka » est un hommage sincère rendu à quelques uns des plus grands écrivains russes vu à travers le regard de passionnants compositeurs d'aujourd'hui.

Au cours des quatre années qui ont été nécessaires pour que ce projet porte ses fruits, j'ai été frappée par la manière dont la rencontre de différentes cultures, langues, formes d'art et époques a produit un cercle vertueux de créativité. Comment puis-je exprimer mon plaisir lors de la réception des compositions et de la lecture des partitions, l'une après l'autre, le don le plus merveilleux qu'un interprète puisse recevoir? Chaque composition qui se trouve sur ce disque fut un véritable coup de foudre. Chaque compositeur a repris ma conception du cycle et mon choix de poèmes et a créé un univers miniature à aucun autre pareil.

Sans la collaboration, l'aide et les encouragements de nombreuses personnes, un tel projet n'aurait jamais pu voir le jour. J'aimerais tout d'abord exprimer ma profonde gratitude à Misha Rachlevsky, directeur de le Chamber Orchestra Kremlin, sans qui rien n'aurait été possible. Sa proposition en 2006 de commander à Eskender Bekmambetov une œuvre basée sur des poèmes de mon choix est devenue le catalyseur de « there... » que le Chamber Orchestra Kremlin a joué au Slobodkin Center à Moscou, au Weill Hall du Carnegie Hall, au Baryshnikov Arts Center et à la Library of Congress à Washington D.C. Leurs performances ont été saluées par le New York Times et le Washington Post. Le reste de « Troïka » s'est largement construit sur le succès de cette première création. J'aimerais également remercier, par ordre alphabétique, quatre personnes dont l'aide et la générosité ont été essentielles et qui ne sont mentionnées nulle part ailleurs dans ce livret : Mikhail Baryshnikov, Anne Kjellberg, Charles Letourneau et Dmitri Nabokov.

Julia Kogan
Traduction: Aurélie Ribière

ТРОЙКА

В мире поэзии Россия занимает особое место – будь то из-за её неповторимого развития, её уникальной истории, из-за значимости поэзии в русском обществе, из-за мелодичности языка, или из-за характерной просодии необычайно живого и яркого русского стиха.

Лучшие русские композиторы соединили русские стихи с музыкой, и это производит неизгладимое впечатление, как в романах, так и в опере. И всё же для западного слушателя при переводе неизбежно что-то утратилось: может, тонкие оттенки авторского замысла, просодический эффект, атмосфера или многие другие важные особенности, которые делают стихи тем, чем они являются. Поэтому, если слушатель не готов заняться изучением русского языка – одного из самых богатых языков мира – со всеми его нюансами, он вынужден смириться с тем, что русская песня никогда не сможет быть воспринята так, как предполагалось. К счастью, некоторые из величайших русских поэтов настолько свободно владели иностранными языками, что даже писали на них стихи и переводили свои русские произведения. Эти стихи, положенные на музыку восьмью ярко одаренными современными композиторами, и вошли в альбом "Тройка".

В русском языке слово "тройка" может обозначать тройку чего угодно - но особенно сильно оно ассоциируется с тремя лошадьми, скачущими в одной упряжке по бескрайним заснеженным русским просторам. Так же и этот диск: он состоит из трех оркестровых песенных циклов с общей темой, и три различных языка этого альбома объединены служением русской поэзии.

Первым в альбоме является цикл "there..." ("там...") на стихи Иосифа Бродского (1940-1996), одного из немногих крупных писателей, которые оставили обширное наследие на двух языках. К тому времени как 32-х летний Бродский был выслан в изгнание, он уже был признан многими как классик русской поэзии. После прибытия в Соединенные Штаты он не только погрузился в чтение англоязычной литературы, но и сам всё чаще и чаще стал создавать очерки, переводы, а потом и новые стихи на любимом им английском языке. Пять стихотворений, выбранных для цикла -- "The Fifth Anniversary", "Stone Villages", "Folk Tune", "Lullaby", and "The New Jules Verne" ("Пятая годовщина", "Английские каменные деревни", "То не Муза воды набирает в рот", "Колыбельная" и "Новый Жюль Верн") – представляют различные аспекты творчества Бродского, от автобиографической поэзии до лирической и сатирической. Эскендер Бекмамбетов, положивший эти тексты на музыку, стремился отразить не только

особенности английского и русского вариантов одного стиха, но и их сходство.

Хотя вряд ли можно найти более различные жизненные пути, интересы и стили, чем у Владимира Набокова (1899-1977) и Иосифа Бродского, оба соединили великолепное владение русским языком с глобоким интересом и мастерством при переводе своих стихов на английский. Если Пушкин, Лермонтов и Тютчев известны сейчас англоязычному читателю, то это хотя бы отчасти благодаря небольшой книге "Three Russian Poets", состоящей из переводов Набокова. Известный во всем мире как автор англоязычных романов, он был также удивительным поэтом и переводчиком и в конце своей жизни перевёл ряд своих ранних русских стихов на английский язык. Три таких стиха были выбраны для "Sing, Poetry" ("Пой, Поэзия"), и этот цикл отличается по концепции от цикла стихов Бродского: русский и английский варианты стихотворений здесь были положены на музыку русскими и американскими композиторами независимо друг от друга. Когда русские и английские стихи передающие одно и то же настроение даются в «прочтении» замечательных и любящих литературу русско- и англоязычных композиторов, результат обещает быть захватывающим и помогающим слушателю проникнуть в самую суть. Три стихотворения цикла – "Дождь пролетел" / "The Rain Has Flown" (музыка Льва Журбина и Майкла Шелла), "Еще безмолвствую" / "I Still Keep Mute" (музыка Андрея Рубцова и Джея Гринберга) и "Прованс" / "Provence" (музыка Ивана Барботина и Джеймса Демарса). Будучи написанными когда Набокову было 18, 20 и 24 года соответственно, тогда как их английские переводы были созданы десятилетия спустя, эти стихи являются ещё одним ярким свидетельством виртуозного владения Набоковым английским языком.

Последний цикл, "Caprice étrange" ("Странный каприз"), с музыкой Изабель Абулькер, основан на французских стихах величайших представителей золотого века русской поэзии: А.С. Пушкина (1799-1837), М.Ю. Лермонтова (1814-1841) и Ф.И. Тютчева (1803-1873). Если шутивно-самоуничижительный стих "Mop Portrait" является скорее ученическим (Пушкину на тот момент было 15 лет), то в написанном всего три года спустя стихотворении "Couplets/Jusq'au plaisir de nous revoir" уже безошибочно угадывается пушкинский стиль. В стихотворении "Quand je te vois sourire..." искрится романтизм молодого Лермонтова, а стих Тютчева "Nous avons pu tous deux..." пронизан горькими размышлениями. Таким образом, этот цикл является своеобразным франкоязычным празднованием русской поэзии начала XIX века.

Благодаря "Тройке" западный слушатель, незнакомый с русским языком, сможет почувствовать этот прекрасный язык как никогда раньше, а русскому слушателю эти три песенных цикла дадут возмож-

ность открыть для себя малоизвестные стороны творчества великих соотечественников. Может быть, этот альбом позволит по-новому взглянуть на взаимосвязь между культурами, на то, как музыка перекликается с эмоциональной содержимым слов. Для меломана здесь найдется собрание разнообразных современных оркестровых композиций. Наконец, "Тройка" -- искренняя и, я надеюсь, увлекательная для слушателя -- дань уважения великим русским поэтам, увиденных глазами современных композиторов.

Более четырёх лет понадобилось, чтобы воплотить этот проект в жизнь, и я была поражена тем, как сближение различных культур, языков, художественных форм и эпох привело к творческому кругу добродетели. Как можно передать то удовольствие, которое мне доставляло получать эти композиции, одну за другой -- лучший подарок для исполнителя -- и впервые прочитывать партитуры? Каждая из композиций, которые оказались на этом диске, была для меня любовью с первого взгляда. Каждый композитор принимал мою концепцию цикла и выбор стихов и создавал свой маленький мир, непохожий ни на какой другой.

Подобное предприятие не могло бы завершиться без сотрудничества, помощи и поддержки многих людей. Во-первых, я глубоко признательна Мише Рахлевскому, художественному руководителю камерного оркестра «Kremlin», без которого ничто это не было бы возможным. Его предложение в 2006 году дать заказ Эскендеру Бекмамбетову чтобы тот написал несколько песен на мной выбранные стихи стало катализатором для цикла "там..." Этот цикл исполнялся Камерным оркестром «Kremlin» на многих сценах: в Центре Павла Слободкина в Москве, а также в Карнеги Холл, в Центре искусств Михаила Барышникова и в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Об этих выступлениях восторженно отзывались такие издания, как "The Washington Post" и "The New York Times". Остальные циклы «Тройки» во многом возникли благодаря успеху первого цикла. Также я хотела бы поблагодарить, в алфавитном порядке, ещё четырёх человек оказавших неоценимо важную помощь и не упомянутых в других местах в этом буклете: это Михаил Барышников, Шарль Летурно, Дмитрий Набоков и Анн Шелберг.

Юлия Коган
Перевод Маргариты Голубевой

Recommended readings / Lectures conseillées / Рекомендуемое чтение

Joseph Brodsky. Collected poems in English. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2000.

Vladimir Nabokov. Poèmes et problèmes (trilingual edition). Paris: Gallimard, 1999.

Vladimir Nabokov. Pushkin, Lermontov, Tyutchev: Poems. London: Lindsay Drummond, 1947.

Vladimir Nabokov. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. New York: Putnam, 1966.

Valentina Polukhina. Joseph Brodsky: A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Daniel Weissbort. From Russian with Love: Joseph Brodsky in English. London: Anvil Press Poetry, 2004.

JOSEPH BRODSKY
ИОСИФ БРОДСКИЙ

poet
poète
поэт

The owl hat
Photos © Mark Strand

Iosif (Joseph) Aleksandrovich Brodsky (1940-1996) was born in St. Petersburg to Jewish parents. After dropping out of school at the age of fifteen, Brodsky held a variety of jobs, including as laborer on geological expeditions. He read voraciously and started writing poetry in his late teens; he soon befriended and was encouraged by the great Russian poetess Anna Akhmatova. With Brodsky's lyric poetry gaining popularity among university students, he became the subject of persecution in the press, was arrested on the charge of social parasitism, and was exiled to the Russian far north in 1964. Following protests by prominent cultural figures, the exile ended after 18 months, but official disapproval continued. In 1972 Brodsky was expelled from the USSR and settled in the United States. He taught Russian literature at several universities, and got involved in translating his Russian poetry into English, as well as writing English poetry and essays. Brodsky was awarded the Nobel Prize in literature in 1987. He died from a heart attack at the age of 55.

Iosif (Joseph) Alexandrovitch Brodsky (1940-1996) est né à Saint-Petersbourg de parents juifs. Après avoir abandonné l'école à quinze ans, Brodsky vécut d'une série de petits métiers comme ouvrier dans des expéditions géologiques. C'était un lecteur des plus avides. Il commença à écrire de la poésie à la fin de son adolescence et, très vite, la grande poétesse russe Anna Akhmatova se prit d'amitié pour lui et lui prodigua de nombreux encouragements. Comme la popularité de la poésie de Brodsky ne cessait de s'accroître dans les milieux estudiantins, la presse en fit un objet de persécution et Brodsky fut arrêté au motif de « parasitisme social » puis exilé à l'extrême nord du pays en 1964. Grâce aux protestations de plusieurs éminentes personnalités culturelles, son exil prit fin au bout de 18 mois mais le désaveu officiel perdura. En 1972, Brodsky fut expulsé d'URSS et s'installa aux Etats-Unis. Il enseigna la littérature russe dans plusieurs universités et participa à la traduction en anglais de sa poésie russe. Il écrivit même des poèmes et des essais en anglais. En 1987 Brodsky reçut le prix Nobel de littérature. Il mourut d'une crise cardiaque à l'âge de 55 ans.

Иосиф Александрович Бродский (1940-1996) родился в Санкт-Петербурге в еврейской семье. Бросив школу в пятнадцать лет, Бродский перепробовал множество работ, в том числе он был и разнорабочим в геологических экспедициях. Он много читал и уже в юности начал писать стихи. Вскоре Бродский познакомился с Анной Ахматовой, которая поддерживала его в течение всей жизни. Популярность поэзии Бродского среди студентов привела к гонениям со стороны прессы. В 1964 году его обвинили в тунеядстве и сослали на Крайний север. Через восемнадцать месяцев благодаря протесту выдающихся деятелей культуры Бродскому разрешили вернуться из ссылки – однако отношение к нему властей не изменилось. В 1972 году он был выслан из страны и с тех пор обосновался в США. Там он преподавал русскую литературу, писал по-английски стихи и эссе, а также переводил свои русские стихи на английский. В 1987 году Бродский был удостоен Нобелевской премии по литературе. В пятьдесят пять лет он скончался от сердечного приступа.

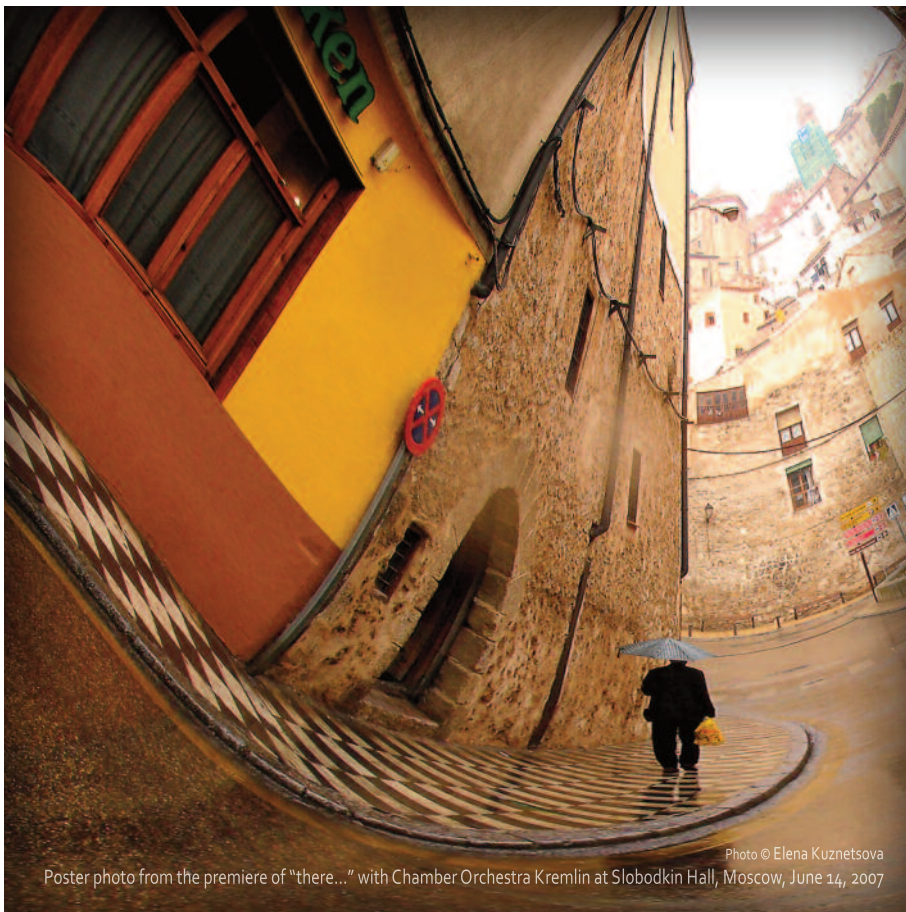
ESKENDER БЕКМАМБЕТОВ
ЭСКЕНДЕР БЕКМАМБЕТОВ

composer
compositeur
композитор

ESKENDER BEKMAMBETOV (b. 1966) began his musical education in Uzbekistan at age seven. From early childhood he enjoyed improvising on the violin and eventually began composing. In 1988 he moved to Moscow to continue his studies at the Gnessin Institute. After graduation, Eskender worked as a violinist in several of Moscow's best orchestras, among them Chamber Orchestra Kremlin, for which he composed a number of works, including, "there..." , eliciting praise from The New York Times, The Washington Post, Mikhail Baryshnikov, John Corigliano, etc. Eskender's compositions have been performed in Russia, the US, Europe and South America. The ethnic mixture surrounding Eskender in Uzbekistan has played a crucial role in the development of his compositional style, which incorporates the fundamentals of the Russian school along with rhythmic and melodic elements of his native Crimean Tatar music, as well as German, Greek, Jewish, Gypsy and Uzbek musical traditions, among others. Eskender is currently working on "Molodets", or "Le Gars", a Russian-French opera-ballet with an orchestral score and self-translated Russian and French texts by Marina Tsvetaeva.

ESKENDER BEKMAMBETOV (né en 1966) a commencé son éducation musicale à 7 ans en Ouzbékistan. Depuis sa plus tendre enfance, il aimait à improviser sur son violon et finit par commencer à composer. En 1988, il déménagea à Moscou pour continuer ses études au Gnessin Institute. Après l'obtention de son diplôme, Eskender travailla comme violoniste dans plusieurs des meilleurs orchestres de Moscou. Parmi eux, on compte le Chamber Orchestra Kremlin pour lequel il a composé un certain nombre d'oeuvres dont "there..." qui reçut les éloges du New York Times, du Washington Post, de Mikhail Baryshnikov, John Corigliano, etc. Les compositions d'Eskender ont été jouées en Russie, aux Etats-Unis, en Europe et Amérique du Sud. Le mélange ethnique au milieu duquel se trouvait Eskender en Ouzbékistan s'est révélé d'une importance capitale dans le développement de son style d'écriture. Celui-ci incorpore en effet aux fondements de l'école russe non seulement les éléments rythmiques et mélodiques de la musique de sa patrie natale, celle des Tatars de Crimée, mais aussi les traditions musicales allemandes, grecques, juives, tsiganes, ouzbèkes, etc. Actuellement, Eskender travaille aux partitions orchestrales de « Molodets » ou « Le Gars » ou « un opéra-ballet franco-russe créé à partir de textes en français et en russe de Marina Tsvetaeva, traduits par l'auteure elle-même.

ЭСКЕНДЕР БЕКМАМБЕТОВ (1966) начал свое музыкальное образование в Узбекистане в возрасте семи лет. С раннего детства он увлекался импровизацией на скрипке и, в конце концов, начал сочинять музыку. В 1988 году он переехал в Москву, чтобы продолжить обучение в институте им. Гнесиных. После окончания института Эскендер работал как скрипач в лучших оркестрах Москвы, среди которых был Камерный Оркестр «Кремлин». Для этого оркестра он написал большое количество произведений, включая вокальный цикл «там...», получивший высокую оценку критиков «Нью Йорк Таймс» и «Вашингтон пост», а также Михаила Барышникова, Джона Корильяно и других маститых деятелей искусства. Произведения Эскендера успешно исполняются в России, США, Европе и Южной Америке. Смешение различных этнических культур, окружавшее Эскендера с детства, сыграло огромную роль в формировании его композиторского стиля, соединившего в себе традиции Русской классической школы с ритмами и мелодическими элементами Крымско-татарской музыки, а также немецкую, греческую, еврейскую, цыганскую, узбекскую и другие музыкальные традиции. В настоящее время Эскендер заканчивает работу над новым произведением «Молодец» или «Le Gars» - русско-французский вокально-танцевальный цикл по произведению Марины Цветаевой.

Poster photo from the premiere of "there..." with Chamber Orchestra Kremlin at Slobodkin Hall, Moscow, June 14, 2007

Photo © Elena Kuznetsova

ТРОИКА

"there..."

poems - poèmes - стихотворения

Тексты Бродского, использованные в вокальном цикле "там..." Эскендера Бекмамбетова

Пятая годовщина

Падучая звезда, тем паче – астероид на резкость без труда твой праздный взгляд настроит.
Взгляни, взгляни туда, куда смотреть не стоит.

Там хмурые леса стоят в своей равнине.
Уйдя из точки "А", там поезд на равнине стремится в точку "Б". Которой нет в помине.

Там в сумерках рояль бренчит в висках бемолю.
Пиджак, вися в шкафу, там поедаем молью.
Оцепеневший дуб кивает лукоморью.

Там лужа во дворе, как площадь двух Америк.
Там одиночка-мать вывозит дочку в скверик.
Неугмонный Терек там ищет третий берег.

Я вырос в тех краях. Я говорил "закурим"

Brodsky's texts used in the song cycle "there..." by Eskender Bekmambetov

The Fifth Anniversary

A falling star, or worse, a planet (true or bogus) might thrill your idle eye with its quick hocus-pocus.
Look, look then at that locus that's better out of focus.

There frowning forests stand decked out in rags and tatters.
Departing from point A, a train there bravely scatters its wheels toward point B. Which station hardly matters.

At dusk a Steinway grand twangs out a thin B-minor.
There musty jackets hang, the moth their redesigner.
On rocks, enchanted oaks nod to a passing liner.

There a puddle in the yard is neither round nor square.
There single mothers pot their daughters in day care.
A boisterous mountain stream strives for the third shore there.

I grew up in those parts. I used to share a cigarette

Traductions de textes de Brodsky utilisés dans le cycle de mélodies "there..." d'Eskender Bekmambetov

Cinquième anniversaire

Une étoile filante ou pire, un astéroïde aiguïsera sans effort ton regard désœuvré.
Regarde, regarde là où mieux vaut ne pas regarder.

Là-bas, où les forêts moroses sont en guenilles.
Parti d'un point "A", un train là-bas dans la plaine file vers un point "B". Que personne ne connaît.

Là-bas, au crépuscule le bémol d'un piano sonnaïlle dans les tempes.
Une veste, pendue là-bas dans les armoires, est mangée par les mites.
Un chêne enchaîné salue un bras de mer.

Là-bas, une flaque dans une cour devient la place des Deux Amériques.
Là-bas, une mère célibataire emmène sa fille dans un petit square.
Le Terek turbulent cherche là-bas une troisième berge.

J'ai grandi dans ces contrées. Je disais "fumons"

20

их лучшему певцу. Был содержимым тюрем.
 Привык к свинцу небес и к айвазовским бурям.

Там, думал, и умру – от скуки, от испуга.
 Когда не от руки, так на руках у друга.
 Видать, не рассчитал. Как квадратуру круга.

Ну что ж! на все свои законы:
 я не любил жлобства, не целовал иконы,
 и на одном мосту чугунный лик Горгоны

казался в тех краях мне самым честным ликом.
 Зато столкнувшись с ним теперь, в его великом варьянте, я своим не подавился криком
 и не окаменел.

Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох.
 Не подгоняй сих строк: забуксовав в отбросах,
 эпоха на колесах нас не догонит, босых.

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.
 Зане не знаю я, в какую землю лягу.

with their most gifted bard. Was kept, a guilty secret,
 in cells. Admired lead skies, as well as wind-swept liquid.

There I thought I would die. From boredom or from terror.
 If not in friendly arms, then at their hands.
 But there or somewhere nearby. Today I see my error.

So I'm no longer there. All things have rules to reckon.
 I never liked fat cats, and never kissed an icon.
 And on a certain bridge, a black cast-iron Gorgon

seemed in those parts to me the truth's most honest version.
 So later having met her in gigantic person, I haven't turned to stone and let my multiplicity portion
 of savage screams go stale.

Scratch on, my clawlike pen, my pilgrim staff, my salvage!
 Don't rush our shuffling words: the age wheel-deep in garbage
 won't overtake us and won't grab you, barefoot savage.

This won't be heard up North, nor where hot sands hug cactus.

à leur meilleur chanteur. J'étais un contenu de prison.
 Je m'étais habitué au plomb des cieux et aux tempêtes d'Aivazovski.

Là-bas, pensais-je, je mourrai - d'ennui ou d'effroi.
 Sinon d'une main, du moins dans les mains d'un ami.
 Évidemment, je ne l'avais pas calculé. Pas plus que la quadrature du cercle.

Enfin quoi ! Il y a des lois pour tout :
 je n'aimais pas la muflerie, je n'embrassais pas les icônes,
 et sur un pont le visage en fonte d'une Gorgone

me semblait dans ces contrées le visage le plus honnête.
 Mais m'y étant heurté maintenant, dans sa grande variante, je ne me suis pas étranglé avec mon cri
 et je n'ai pas été pétrifié.

Grince ma plume, ma griffe, ma canne de pèlerin.
 Ne presse pas ces lignes : enlisée dans les rebuts,
 l'époque sur ses roues ne nous rattrapera pas, nous nu-pieds.

Je n'ai rien à dire ni au Grec ni au Varègue,
 car j'ignore dans quelle terre je serai couché.

Скрипи, скрипи, перо! переводи
бумагу.

4 июня 1977

Английские каменные деревни

Английские каменные деревни.
Бутылка собора в окне харчевни.
Коровы, разбредшиеся по полям.
Памятники королям.

Человек в костюме, побитом молью,
провожает поезд, идущий, как все тут,
к морю,
улыбается дочке, уезжающей на Восток.
Раздается свисток.

И бескрайнее небо над черепицей
тем синее, чем громче птицей
оглашаемо. И чем громче поет она,
тем все меньше видна.

1977

То не Муза воды набирает в рот

То не Муза воды набирает в рот.
То, должно, крепкий сон молодца

Scratch on, my pen: let's mark the white
the way it marks us.

June 4, 1977

Stone Villages

The stone-built villages of England.
A cathedral bottled in a pub window.
Cows dispersed across fields.
Monuments to kings.

A man in a moth-eaten suit
sees a train off, heading, like everything
here, for the sea,
smiles at his daughter, leaving for the East.
A whistle blows.

And the endless sky over the tiles
grows bluer as swelling birdsong fills.
And the clearer the song is heard,
the smaller the bird.

1977

Folk Tune

It's not that the Muse feels like clamming up,
it's more like high time for the lad's last nap.

Grince, grince ma griffe! Gâche le papier.

4 juin 1977

Traduit par Bernard Kreise

Villages de pierre anglais

Villages de pierre anglais.
Une église embouteillée dans la vitrine d'un pub.
Des vaches éparpillées dans les champs.
Des statues de rois.

Un homme dans un costume troué par les mites
Accompagne du regard le train qui part,
comme tous ici, à la mer,
il sourit à sa fille, qui s'en va à l'Est.
Le sifflet retentit.

Et le ciel sans limites au-dessus des tuiles
est d'autant plus bleu qu'il est plus rempli
du chant d'un oiseau. Et plus il chante fort,
moins on le voit.

1977

Traduit par Bernard Kreise

C'est ce pour quoi la muse reste bouche close

C'est ce pour quoi la muse reste bouche close.
C'est ce qui peut-être plonge le gars dans la torpeur.

берет.
И махнувшая вслед голубым платком
наезжает на грудь паровым катком.

Навсегда расстаемся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него – и потом сотри.

1980

Кольбельная

Родила тебя в пустыне
я не зря.
Потому что нет в помине
в ней царя.

Привыкай, сынок, к пустыне
как к судьбе.
Где б ты ни был, жить отныне
в ней тебе.

Привыкай к пустыне, милый,
и к звезде,
льющей свет с такою силой
в ней везде,

будто лампу жжет, о сыне
в поздний час
вспомнив, тот, кто сам в пустыне
дольше нас.

December 1992

And the scarf-waving lass who wished him
the best
drives a steamroller across his chest.

We are parting for good, little friend, that's that.
Draw an empty circle on your yellow pad.
This will be me: no insides in thrall.
Stare at it a while, then erase the scrawl.

1980

Lullaby

Birth I gave you in the desert
not by chance,
for no king would ever hazard
its expanse.

Grow accustomed to the desert
as to fate,
lest you find it omnipresent
much too late.

Grow accustomed to the desert
and the star
pouring down its incadescent
rays, which are

just a lamp to guide the treasured
child who's late,
lit by someone whom that desert
taught to wait.

декабрь 1992

Et celle qui agite au loin un mouchoir bleu
appuie sur la poitrine avec un rouleau com-
presseur.

Nous nous séparons à jamais, mon bon ami.
Dessine sur le papier un simple cercle.
Ce sera moi : rien à l'intérieur.
Regarde-le – et puis efface-le.

1980

Traduit par Bernard Kreise

Berceuse

Je t'ai mis au monde dans un désert,
pas en vain.
Car il n'existe pas
De roi, là-bas.

Habitude-toi, mon fils, au désert
comme au destin.
Où que tu sois, c'est là désormais
que tu vivras.

Habitude-toi au désert, mon chéri,
et à l'étoile
qui verse une si vive lumière
en lui, partout,

comme si brûlait une lampe,
s'étant souvenu tardivement de son fils,
celui qui est dans le désert
depuis plus longtemps que nous.

décembre 1992

Traduit par Bernard Kreise

Новый Жюль Верн

"Дорогая Бланш, пишу тебе, сидя
внутри гигантского осьминога.
Чудо, что письменные принадлежности
и твоя фотокарточка уцелели.
Сыро и душно. Тем не менее, не
одиноко:
рядом два дикаря, и оба играют на
укаледе.
Главное, что темно. Когда напрягаю
зрение,
различаю какие-то арки и своды.
Сильно звенит в ушах.
Постараюсь исследовать систему
пищеваренья.
Это – единственный путь к свободе.
Целую. Твой верный Жак".

"Вероятно, так было в утробе...
Но спасибо и за осьминога.
Ибо мог бы просто пойти на дно, либо
– попасть к акуле.
Все еще в поисках. Дикари, увы, не
подмога:
о чем я их не спрошу, слышу странное
"хули-хули".
Вокруг бесконечные, скользкие,
выходящие туннели.
Какая-то загадочная, переплетающаяся
система.

The New Jules Verne

"Dear Blanche, I write this to you sitting
inside a gigantic octopus.
A miracle, but the stationery and your
picture survived. This jelly
is hard to inhale. Yet in a sense it's
populous:
there are a couple of savages, both
playing the ukelele.
Main thing: it's dark. I strain my eyes and
listen.
Sometimes I make out some arches and
vaults. When I write, it also becomes less
black.
I resolve to examine the metabolic
system.
That's the only railroad to freedom.
Kisses. Your faithful Jacques."

"It's like being back in the womb... Still,
one should be grateful
for the octopus. Sharks are worse. So is
water as such – for yours truly.
Am still searching. The savages brought a
grapefruit.
But when I ask for directions, all I hear is
'Hoolie-hoolie.'
All I see are infinite, slippery, coiling tunnels.
Some peculiar, tangled system that's
hard to memorize.

Le nouveau Jules Verne

« Chère Blanche, je t'écris à l'intérieur d'un
gigantesque octopode.
C'est un miracle que les fournitures de
bureau et ta photographie aient été
préservées.
C'est humide, j'étouffe. Cela étant, je ne
suis pas solitaire :
deux sauvages sont à côté, et tous les deux
jouent de l'ukulélé.
Surtout : il fait sombre. Quand je concentre
mon regard,
je distingue des arches et des voûtes. Ça
résonne fort dans mes oreilles.
J'essaierai d'explorer le système de
digestion.
C'est l'unique voie vers la liberté. Je
t'embrasse. Ton fidèle Jacques. »

« C'était peut-être ainsi dans la matrice...
C'est heureusement un octopode.
Car j'aurais pu simplement aller au fond ou
me retrouver dans un requin.
Toujours en recherches. Les sauvages,
hélas, ne me sont d'aucune aide :
quoi que je leur demande, j'entends
l'étrange "hoolie-hoolie".
Autour, des tunnels sans fin, visqueux,
tortueux.
Un système énigmatique, enchevêtré.

Вероятно, я брежу, но вчера на панели мне попался некто, назвавшийся капитаном Немо".

"Снова Немо. Пригласил меня в гости. Я пошел. Говорит, что он вырастил этого осьминога.

Как протест против общества. Раньше была семья, но жена и т. д. И ему ничего иного не осталось. Говорит, что мир потонул во зле.

Осьминог (сокращенно – Ося) карает жестокосердые и гордыню, воцарившиеся на Земле. Обещал, что если останусь, то обрету бессмертье".

"Вторник. Ужинали у Немо. Было вино, икра (с "Принца" и "Витязя"). Дикари подавали, скаля зубы. Обсуждали начатую вчера тему бессмертья, "Мысли" Паскаля, последнюю вещь в "Ля Скала". Представь себе вечер, свечи. Со всех сторон – осьминог. Немо с его бородой и с глазами голубыми, как у младенца.

And unless I'm delirious, yesterday in these trammels I bumped into somebody who calls himself Captain Nemo."

"Nemo again. Invited me to his rooms. I went. He says he has reared this octopus as a protest against society. Well, earlier, I understand, he was married, with kids. But his wife – the hottest pants in town... and so forth. And he had no choice. He says the world drowns in Evil. The octopus ('opus' for some) avenges hubris and heartless, alias earthly ways. Promised me immortality if I don't leave the trenches."

"Tuesday. Supper at Nemo's. Caviar, cognac, fromage – from, I guess, both Prince and Tsarina. The savages served: good manners. We discussed the matter raised yesterday, that is, my immortality; Pascal's Pensées; recent La Scala tenors. Just think: evening, candles. The octopus all around. Nemo with his goatee and baby-blue, nay, prenatal

Sans doute, je délire, mais hier sur le trottoir je suis tombé sur quelqu'un qui m'a dit être le capitaine Nemo. »

« Nemo de nouveau. Il m'a invité. J'y suis allé. Il dit qu'il a élevé cet octopode. Comme une protestation contre la société. Jadis il avait une famille, mais sa femme, etc. Et rien d'autre ne lui est resté. Il dit que le monde a sombré dans le mal. L'octopode (en abrégé Octo) châtie la cruauté et l'outrecuidance qui règnent sur la Terre. Il m'a promis que si je restais, je deviendrais immortel. »

« Mardi. Dîner chez Nemo. Il y avait du vin, du caviar (de chez Prince et de chez Preux). Les sauvages servaient en souriant. Nous avons débattu le thème entamé la veille de l'immortalité, les Pensées de Pascal, la dernière production de la Scala. Imagine-toi cette soirée, des bougies. De toutes parts, l'octopode. Nemo avec sa barbe et ses yeux bleus, ceux d'un enfant.

Сердце сжимается, как подумаешь, как
он тут одинок..."

(Здесь обрываются письма к Бланш
Деларю от лейтенанта Бенца).

1976

*Тексты воспроизведены с разрешения
Фонда по управлению наследственным
имуществом Иосифа Бродского и
Farrar, Straus & Giroux*

eyes. If I think of his loneliness, my heart
starts to pound..."

(That's the last Mlle Blanche Delarue heard
from Jacques Benz, navigator).

1976

*Texts reproduced with permission of the
Joseph Brodsky Estate and Farrar, Straus &
Giroux*

Mon cœur se serre quand je pense qu'il est
là, solitaire... »

(C'est ainsi que s'interrompent les lettres
du capitaine Benz à Blanche Delarue).

1976

Traduit par Bernard Kreise

*Textes reproduits avec l'autorisation de
Joseph Brodsky Estate et Farrar, Straus &
Giroux*

26

VLADIMIR NABOKOV

TROIKA
"Sing, Poetry"

An Autobiography Revisited

VLADIMIR NABOKOV
ВЛАДИМИР НАБОКОВ

poet
poète
поэт

VLADIMIR VLADIMIROVICH NABOKOV (1899-1977) was born in St. Petersburg, the oldest son of a prominent Russian lawyer, journalist and statesman. An idyllic childhood and adolescence were followed by a life of exile triggered by the Bolshevik revolution of 1917. Following studies at Cambridge University, Nabokov lived in Berlin, publishing in the Russian emigrant press. Following the outbreak of the Second World War, Nabokov emigrated to the United States with his wife and son. There he taught Russian literature at various universities and wrote English-language novels. Following the success of "Lolita", Nabokov retired from teaching and emigrated to Switzerland, where he lived until the end of his life. Although known largely for his English-language novels, Nabokov left an immensely rich literary heritage in Russian, including novels, short stories, and hundreds of poems. Having started translating between Russian, English and French before he was a teenager, Nabokov was to become a prolific translator of his own work and that of others, including the monumental two-volume annotated "Eugene Onegin".

VLADIMIR VLADIMIROVITCH NABOKOV (1899-1977) est né à Saint-Petersbourg. Il était le fils aîné d'un important avocat, journaliste et homme d'Etat. A une enfance et une adolescence idylliques succéda une vie d'exil dont la révolution bolchévique de 1917 marque le début. Nabokov suivit des études à l'université de Cambridge, vécut à Berlin et publia dans la presse russe de l'émigration. Au début de la Seconde Guerre Mondiale, il émigra au Etats-Unis avec sa femme et son fils. Il y enseigna la littérature russe dans de nombreuses universités et écrivit des romans en anglais. Après le succès de « Lolita », Nabokov mit fin à sa carrière d'enseignant et se retira en Suisse, où il vécut jusqu'à la fin de sa vie. Bien que son succès fut plutôt bâti sur ses romans en anglais, Nabokov laissa un très riche héritage littéraire en russe (romans, nouvelles mais aussi des centaines de poèmes). Traduisant des œuvres en russe, anglais et français depuis son adolescence, Nabokov avait tout pour devenir un traducteur prolifique non seulement de ses propres œuvres mais aussi de celles d'autres écrivains. Au nombre de ses traductions, on compte celle, monumentale, en deux volumes annotés, de « Eugène Onéguine ».

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ (1899-1977), старший сын выдающегося русского юриста, журналиста и политика, родился в Петербурге. Идиллия его детства и юности закончилась с приходом большевиков к власти: после Революции он был вынужден эмигрировать из страны. Закончив Кембридж, Набоков переехал в Берлин, где печатался в издательствах русской диаспоры. Когда разразилась Вторая мировая война, Набоков с женой и сыном перебрался в США. Он преподавал русскую литературу в разных университетах и писал романы на английском языке. После успеха «Лолиты» Набоков перестал преподавать и переехал в Швейцарию, где и провёл оставшуюся жизнь. Хотя в большей степени он известен своими романами на английском языке, Набоков оставил обширное литературное наследие и на русском: романы, повести, рассказы, пьесы и сотни стихов. Он не мог не стать выдающимся переводчиком, поскольку с детства свободно владел не только русским, но и английским и французским языками. Он переводил как свои произведения, так и работы других авторов. Также его перу принадлежит издание «Евгения Онегина» на английском языке с комментариями.

IVAN BARBOTIN
ИВАН БАРБОТИН

composer
compositeur
композитор

IVAN BARBOTIN Born on July 29, 1972 in St. Petersburg, Russia, Ivan Barbotin began piano studies at the age of 5, guitar at 10. At 13, he became lead guitarist of the rock group Sphinx which went onto win the "Soviet Union's Best Youth Band" competition at the Orlenok summer camp. At 16, he joined Russia's famous rock band Forum as lead guitarist. With Forum he toured the country to sold-out audiences and became Laureate of the prestigious Song of the Year Festival in 1989. Ivan's classical interests started under the tutelage of Alim Ametov. Moving to Canada in 1990, he turned his attention away from music for almost a decade but eventually returned to it, starting private studies with Alexander Levkovich. In 2000, Ivan wrote his first ballet score, The Velveteen Rabbit. Two more commissions followed: The Emperor's New Clothes and Anastasia. He has since written numerous compositions for film and television, recently completing a score for the feature film Red Coat Justice. Ivan holds a Masters of Music degree in Composition from the University of Toronto.

IVAN BARBOTIN Né le 29 Juillet 1972 à Saint-Pétersbourg en Russie, Ivan Barbotin a commencé ses études de piano à cinq ans, celles de guitare à dix ans. A treize ans, il devint guitariste solo du groupe de rock Sphinx au sein duquel il gagna le concours « Soviet Union's Best Youth Band » (meilleur groupe jeune de l'Union Soviétique) du camp d'été de l'Orlenok. A 16 ans, toujours guitariste solo, il rejoignit le célèbre groupe de rock russe Forum avec lequel il partit en tournée dans tout le pays, donnant des concerts qui, chaque fois, affichaient complets. En 1989, il fut nommé lauréat du prestigieux festival Song of the Year. Sous la tutelle d'Alim Ametov, Ivan commença à s'intéresser à la musique classique. Lorsqu'il déménagea au Canada en 1990, il s'éloigna de la musique pendant quasiment dix ans mais finit par y retourner et commença des études privées avec Alexander Levkovich. Ivan écrivit son premier ballet en 2010 : The Velveteen Rabbit. Y succédèrent deux commandes : The Emperor's New Clothes et Anastasia. Il a depuis souvent composé pour le cinéma et la télévision et a récemment achevé l'écriture d'une partition pour un long métrage, Red Coat Justice. Ivan est titulaire d'un Master de Composition Musicale à l'Université de Toronto.

ИВАН БАРБОТИН Иван Барботин родился 29 июля 1972 года в Санкт-Петербурге. Игре на фортепиано он начал обучаться в пять лет, на гитаре — в 10. В 13 он стал ведущим гитаристом рок-группы «Сфинкс», победившей на Всесоюзном конкурсе «Лучший юношеский ансамбль», проводившемся в пионерском лагере «Орленок». В 16 лет он стал ведущим гитаристом известной в России рок-группы «Форум». С «Форумом» он выступал на концертах в переполненных залах по всей стране и стал лауреатом престижного фестиваля «Песня года» в 1989 году. Классической музыкой Иван заинтересовался благодаря Алиму Аметову. Переехав в Канаду в 1990 году, он не занимался музыкой почти 10 лет, но затем вновь к ней вернулся, начав брать частные уроки у Александра Левковича. В 2000 году Иван написал свой первый балет «Плюшевый кролик». Затем он получил заказ еще на две работы: «Новое платье короля» и «Анастасия». Он написал ряд композиций для кино и телевидения, а недавно закончил работу над партитурой к кинофильму «Правосудие в красном кителе». Иван завершил обучение композиторскому мастерству в университете Торонто.

A portrait of James Demars, a middle-aged man with grey hair and glasses, wearing a dark suit jacket over a white shirt and a dark vest. He is looking directly at the camera with a slight smile. The background is black. The portrait is framed by a white border with registration marks at the corners.

JAMES DEMARS
ДЖЕЙМС ДЕМАРС

composer
compositeur
композитор

JAMES DEMARS (b.1952) Composer/conductor James DeMars belongs to a generation that is revealing a new integration of world music with the range, depth and stylistic variety of the classical tradition. His works include orchestral concertos for violin, piano, African drum ensemble, pow-wow singers, Native American flute, several cantatas, An American Requiem, (premiered at the Kennedy Center in Washington) and a two act, inter-cultural opera, GUADALUPE. The Two World Concerto for Canyon Records recording artist R. Carlos Nakai received two Native American Music Awards. DeMars is a member of the French Order of Arts and Letters, the 2010 Arizona Artist of the Year, and a professor at Arizona State University. Aesthetic influences include the writings of Joseph Campbell and Albert Camus. Ensembles that perform DeMars' music include the Philadelphia Orchestra, Buffalo Philharmonic, New York Choral Society, Brooklyn Philharmonic, Mormon Tabernacle Choir, Phoenix Symphony, California Symphony, Chicago Sinfonietta, Choeur et Orchestre Francais D'Oratorio and I Solisti di Zagreb.

JAMES DEMARS (né en 1952). James DeMars, compositeur et chef d'orchestre, appartient à cette génération pourvoyeuse d'œuvres nouvelles qui, tout en intégrant d'une manière originale les musiques du monde, possèdent la portée, la profondeur et la variété stylistique de la tradition classique. Parmi ses œuvres, on trouve des concertos pour violon, piano, ensemble de percussions africaines, chanteurs de pow wow mais aussi flûte amérindienne, plusieurs cantates, un Requiem Américain (dont la première eut lieu au Kennedy Center à Washington) et un opéra interculturel en deux actes, GUADALUPE. Son concerto, Two World Concerto, enregistré chez Canyon Records avec l'artiste R. Carlos Nakai, a reçu deux prix aux Native American Music Awards. DeMars a été nommé chevalier de l'Ordre des Arts et Lettres en France, artiste de l'année 2010 en Arizona. Il est également professeur à l'université d'état d'Arizona. Ses influences esthétiques sont à rechercher jusque dans les écrits de Joseph Campbell et d'Albert Camus. Sa musique a été, entre autres ensembles, jouée par le Philadelphia Orchestra, le Buffalo Philharmonic, le New York Choral Society, le Brooklyn Philharmonic, le Mormon Tabernacle Choir, le Phoenix Symphony, le California Symphony, le Chicago Sinfonietta, le Choeur et Orchestre Français D'Oratorio et I Solisti di Zagreb.

ДЖЕЙМС ДЕМАРС (1952 г.р.) Композитор и дирижер Джеймс Демарс принадлежит к тому поколению, что по-новому комбинирует палитру, глубину и разнообразие стилей, присущее классической традиции, в мировой музыке. Среди его сочинений концерты для скрипки с оркестром, фортепиано с оркестром, произведения для джем-ансамбля, певцов пау-вау, флейты пимак, несколько кантат, «Американский реквием» (преьера которого состоялась в центре им. Кеннеди в Вашингтоне), а также двухактная опера о местной культуре «Ваделупа». Концерт «Два мира» для музыканта студии Canyon Records Карлоса Накая был удостоен двух премий «Музыка североамериканских индейцев». Демарс является членом Французского ордена искусств и литературы, был удостоен звания «Исполнитель 2010 года шт. Аризона», и преподает в университете шт. Аризона. На эстетическую составляющую его музыки оказывают влияние сочинения Джозефа Кэмпбелла и Альбера Камю. Музыка Демарса исполняют такие коллективы, как симфонический оркестр Филадельфии, филармонический оркестр Буффало, хоровое сообщество Нью-Йорка, Бруклинский филармонический оркестр, Храмовый хор мормонов, симфонический оркестр Финикса, Калифорнийский симфонический оркестр, «Симфонетта Чикаго», Французский хор и оркестр ораторий, камерный ансамбль Загреба I Solisti di Zagreb.

JAY GREENBERG
ДЖЕЙ ГРИНБЕРГ

composer
compositeur
композитор

Photo © Bill Phelps

JAY GREENBERG (b. 1991) has already created a significant catalogue of solo, chamber, and orchestral literature that examines and builds upon classical forms. He is the youngest composer to have an exclusive agreement with Schirmer/AMP, as well as Sony Classical and IMG Artists. Jay's first Sony Classical CD showcases Symphony No. 5 — recorded by the London Symphony Orchestra under José Serebrier — and his Quintet for Strings — with the Juilliard String Quartet and cellist Darrett Adkins. Marin Alsop and the Baltimore Symphony recorded his tone poem, *Intelligent Life*, for release on a second Sony all-Greenberg disc. His latest works are: *Neon Refracted*, commissioned by the New York City Ballet (2010); *Skyline Dances* for the Metropolitan Youth Orchestra of New York, Louisville Youth Orchestra, Vermont Youth Orchestra, and Youth Orchestras of San Antonio (2009); and *Four Scenes*, a double string quartet for the Sejong Soloists (2008). In 2007, Joshua Bell and the Orchestra of St. Luke's premiered Greenberg's *Violin Concerto* at Carnegie Hall. The *Eroica Trio* joined Per Brevig and the East Texas Symphony Orchestra to premiere the *Concerto for Piano Trio and Orchestra* in 2008.

JAY GREENBERG (né en 1991) a déjà réalisé un impressionnant catalogue d'œuvres pour solistes, musiciens de chambre et orchestres, qui explorent les formes classiques et s'y appuient pour les développer. Il est le plus jeune compositeur à bénéficier d'un accord exclusif avec Schirmer/AMP, Sony Classical et IMG Artists. Le premier CD de Jay chez Sony Classical a révélé au public sa *Symphony No. 5* enregistrée sous la direction de José Serebrier avec le London Symphony Orchestra et son Quintet for Strings dont l'enregistrement discographique a été réalisé avec le Juilliard String Quartet et le violoncelliste Darrett Adkins. Marin Alsop et le Baltimore Symphony ont enregistré son poème symphonique, *Intelligent Life*, qui sortira chez Sony dans un second disque consacré à J. Greenberg. Parmi ses dernières œuvres, on note *Neon Refracted*, commandé par le New York City Ballet en 2010, *Skyline Dances*, écrit pour le Metropolitan Youth Orchestra de New York, le Louisville Youth Orchestra, le Vermont Youth Orchestra et les Youth Orchestras de San Antonio en 2009 et *Four Scenes*, une œuvre pour double quatuor à cordes créée pour les Sejong Soloists en 2008. En 2007 a eu lieu la première au Carnegie Hall du concerto de Greenberg, *Violin Concerto*, joué par Joshua Bell et l'Orchestra of St. Luke. L'*Eroica Trio* s'est joint à Per Brevig et à l'East Texas Symphony Orchestra pour la première du concerto, *Concerto for Piano Trio and Orchestra*, en 2008.

ДЖЕЙ ГРИНБЕРГ (1991 г. р.) Несмотря на молодой возраст, Джей создал довольно большой корпус музыкальной литературы для солистов, камерных ансамблей и оркестра, основывающейся на классических формах. Он стал самым молодым композитором, с которым такие студии, как Schirmer/AMP, Sony Classical и IMG Artists, заключили эксклюзивный договор. Первый диск Джея, записанный студией Sony Classical, включает симфонию № 5, исполненную Лондонским симфоническим оркестром под руководством Хосе Серебрера, и струнный квинтет, исполненный Джуллиардским квинтетом и виолончелистом Дарретом Эдкинсом. Балтиморский симфонический оркестр под управлением Марины Олсон исполнил его тональную поэму *Intelligent Life*, которая выйдет на втором эксклюзивном диске Гринберга, записанном компанией Sony. Его недавние работы включают: *Neon Refracted* по заказу Нью-Йоркской балетной труппы (2010); *Skyline Dances* для Метрополитенского молодежного оркестра Нью-Йорка, Луисвильского молодежного оркестра, Вермонтского молодежного оркестра, Молодежного оркестра Сан-Антонио (2009); *Four Scenes* — двойной струнный квинтет для струнного ансамбля Sejong (2008). В 2007 году в Карнеги-холле состоялась премьера концерта для скрипки Гринберга в исполнении Джошуа Белла и оркестра Св. Люка. Трио Eroica вместе с Пером Бревигом и симфоническим оркестром Восточного Техаса исполнили премьеру концерта для фортепианного трио с оркестром в 2008 году.

ANDREY RUBTSOV
АНДРЕЙ РУБЦОВ

composer
compositeur
композитор

ANDREY RUBTSOV (b. 1982) was born in Moscow. In 2005, he graduated from the Moscow Conservatoire as an oboist and in 2008 as a conductor, both times with honours. In the same year, he started studying on the Postgraduate Course in Conducting at the Royal Academy of Music. In 2001, he joined the Russian National Orchestra under Mikhail Pletnev as an Associate Principal and became the youngest artist ever in the history of RNO. In February 2009, Decca Classics released a recording of Bach Concertos with the violinist, Julia Fischer and the Academy of St Martin-in-the-Fields, featuring Andrey in the Double Concerto for Violin and Oboe. Andrey also devotes much of his time to composition. His pieces have been performed in Russia, Ukraine, China, USA, Switzerland, Spain, Lithuania, France, Poland, Hungary, England, Bulgaria, Singapore, Venezuela, Morocco, Brazil, Malaysia and Bermuda. He composed a chamber ballet for the Bolshoi Theatre and his woodwind quintet has become a standard repertoire piece for nineteen quintets all over the world including the Berlin Philharmonic Wind Quintet.

ANDREY RUBTSOV est né à Moscou en 1982. Il a obtenu son diplôme d'hautboïste au conservatoire de Moscou en 2005 et celui de chef d'orchestre en 2008, à chaque fois avec les honneurs. Il a commencé la même année à suivre les cours de troisième cycle pour la direction d'orchestre à la Royal Academy of Music. Il rejoignit le Russian National Orchestra sous la direction de Mikhail Pletnev en 2001 en tant qu'Associé Principal, devenant ainsi le plus jeune artiste de toute l'histoire du RNO. En février 2009, Decca Classics sortit un album des Concertos de Bach : ce disque a été enregistré avec la violoniste Julia Fischer, l'Academy of St Martin-in-the-Fields et Andrey pour le Double Concerto pour Hautbois et Violon. Andrey consacre une grande partie de son temps à la composition. Ses œuvres ont été jouées aux Etats-Unis, en Russie, Ukraine, Chine, Suisse, Espagne, Lituanie, France, Pologne, Hongrie, Angleterre, Bulgarie, Malaisie, à Singapour, au Venezuela, Brésil, Maroc et dans les Bermudes. Il a composé un ballet de chambre pour le Théâtre du Bolchoï et son Woodwind Quintet, quintette à vent, est déjà devenu un morceau de référence dans le répertoire de plus de dix-neuf quintettes du monde entier, au nombre desquels se compte le Berlin Philharmonic Wind Quintet.

АНДРЕЙ РУБЦОВ родился в Москве в 1982 году. В 2005 году окончил Московскую консерваторию по классу гобоя, в 2008 — по классу оперно-симфонического дирижирования, оба диплома с отличием. В том же году он поступил в аспирантуру (дирижерское мастерство) Королевской академии музыки в Лондоне. В 2001 году Андрей был приглашен в Российский национальный оркестр под управлением Михаила Плетнева, став самым молодым музыкантом за всю историю коллектива. В феврале 2009 студия Decca Classics выпустила диск с концертами И. С. Баха в исполнении Джулии Фишер (скрипка) и оркестра Academy of St. Martin in the Fields; Андрей исполняет партию гобоя в двойном концерте до минор для скрипки и гобоя. Андрей также уделяет много времени композиции. Его сочинения звучали в России, на Украине, в Китае, США, Швейцарии, Испании, Франции, Литве, Польше, Венгрии, Англии, Болгарии, Сингапуре, Португалии, Малайзии, Венесуэле, Марокко, Бразилии и на Бермудских островах. Он автор камерного балета для Большого театра, а его духовой квинтет вошел в постоянный репертуар более 19 квинтетов по всему миру, включая квинтет Берлинского филармонического оркестра.

MICHAEL SCHELLE
МАЙКЛ ШЕЛЛИ

composer
compositeur
композитор

MICHAEL SCHELLE (b. 1950, Philadelphia): raised in Bergen County, New Jersey, Schelle graduated from Northern Regional High School where, as Captain of the track team, he held the all-state distance records in javelin, shot put and hammer for 3 years running. Now 30 years running as Composer in Residence and founder / director of the notorious JCFA Composers Orchestra (New Music Ensemble) at Butler University's School of Music, Indianapolis, Schelle has been 2x a Pulitzer Prize nominee, a finalist for the International Humour in Poetry Competition (Paris), and a published author (film music book) and restaurant critic. Schelle's music has been performed by over 250 orchestras across the US and abroad including the Chicago Symphony, Minnesota Orchestra, Detroit Symphony, Buffalo Philharmonic, St. Paul Chamber Orchestra, Manhattan Chamber Orchestra, and by professional chamber ensembles from New York to Los Angeles to Honolulu and throughout Europe and Asia. Recent international performances of his music have included Kammerorchester Basel (Switzerland), the Czestochowa Symphonie (Poland), Orquesta Sinfonica Nacional (Costa Rica), the Firenza Music Festival (Italy), the Koenig Ensemble of London, and during 2009/2010 guest composer residencies in China (Beijing, Shanghai and Hangzhou) and Japan (Nagoya Imperial University and Aichi Prefectural University).

MICHAEL SCHELLE (né en 1950 à Philadelphie) : Schelle a grandi dans le comté de Bergen, dans le New Jersey. Il est diplômé du lycée régional du nord où, capitaine de l'équipe d'athlétisme, il détint trois années durant les records en lancer de javelot, de poids et de marteau. Il est maintenant depuis 30 ans compositeur en résidence, fondateur et directeur du célèbre JCFA Composers Orchestra (Ensemble de musique contemporaine) à l'école de musique de la Butler University, à Indianapolis. Schelle a été deux fois nominé au prix Pulitzer, est arrivé finaliste du concours International Humour in Poetry Competition à Paris, il est également auteur - il a écrit un livre sur la musique de films - et critique gastronomique. La musique de Schelle a été jouée aux Etats-Unis et à l'étranger par plus de 250 orchestres parmi lesquels on compte le Chicago Symphony, le Minnesota Orchestra, le Detroit Symphony, le Buffalo Philharmonic, le St. Paul Chamber Orchestra, le Manhattan Chamber Orchestra et par des ensembles professionnels de musique de chambre de New York à Los Angeles en passant par Honolulu, l'Europe et l'Asie. Récemment, des ensembles internationaux tels que le Kammerorchester Basel (en Suisse), le Czestochowa Symphonie (en Pologne), l'Orquesta Sinfonica Nacional (au Costa-Rica), le Firenza Music Festival (en Italie) et le Koenig Ensemble of London ont joué ses œuvres. Entre 2009 et 2010, il a également été invité en résidence en Chine (à Beijing, Shanghai et Hangzhou) et au Japon (dans les universités Nagoya Imperial University et Aichi Prefectural University).

МАЙКЛ ШЕЛЛИ родился в 1950 году в Филадельфии. Шелл вырос в Нью-Джерси, окончил региональную среднюю школу, в которой он, будучи капитаном легкоатлетической команды, три года подряд бил рекорды соревнований штата по метанию копья, молота и толканию ядра. Теперь он 30 лет подряд служит композитором в небезызвестном оркестре композиторов JCFA (Коллектив новой музыки), являясь также его основателем и директором, при кафедре музыки университета им. Батлера (Индианаполис). Дважды номинированный на Пулицтеровскую премию, финалист международного конкурса «Юмор в поэзии» (Париж), он является писателем (опубликована его книга о музыке кино) и ресторанным критиком. Музыка Шелла исполнили более 250 оркестров в Соединенных Штатах — Чикагский симфонический оркестр, оркестр Миннесоты, симфонический оркестр Детройта, филармонический оркестр Буффало, камерный оркестр Св. Пола, камерный оркестр Манхэттена, профессиональные камерные коллективы Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Гонолулу, — и за их пределами: в Европе и Азии. Совсем недавно его работы исполняли камерным оркестром Базеля (Швейцария), симфоническим оркестром Czestochowa (Польша), Национальным симфоническим оркестром Коста-Рики, на Флорентийском музыкальном фестивале (Италия), лондонским ансамблем Кoenig; в 2009–2010 годах он также работал приглашенным композитором в Китае (Пекин, Шанхай и Ханчжоу) и Японии (императорский университет Нагоя и университет префектуры Аичи).

LEV ZHURBIN
ЛЕВ ЖУРБИН

composer
compositeur
композитор

Photo © Bill Wadman

LEV ZHURBIN Hailed by Billboard Magazine as "one of New York's fastest-rising composers and instrumentalists", and by the New York Times as "an eclectic with an ear for texture... strikingly original and soulful", LJOVA (Lev Zhurbин) was born in 1978 in Moscow, Russia, and moved to New York with his parents, composer Alexander Zhurbин and writer Irena Ginzburg, in 1990. He divides his time between performing as a violist in diverse groups ranging from his own, LJOVA AND THE KONTRABAND, to string quartets, jazz combos and Gypsy bands; studying and arranging music for Yo-Yo Ma, the Kronos Quartet, Jay-Z and others; and composing original music for film, TV, dance, and the concert stage. Ljova is the author of more than 70 compositions for classical, jazz, and folk ensembles, as well as film scores. He released his acclaimed solo debut recording, VJOLA: WORLD ON FOUR STRINGS, on Kapustnik Records, in 2006. His music and arrangements have been recorded on Sony and Nonesuch, among other labels.

LEV ZHURBIN Salué par Billboard Magazine comme « l'une des stars montantes de New York dans le domaine de la composition et la performance musicales » et décrit par le New York Times comme un musicien « éclectique qui a l'oreille pour percevoir la texture musicale... un artiste étonnamment original et qui touche l'âme », LJOVA (Lev Zhurbин) est né en 1978 à Moscou, en Russie, et a déménagé à New York en 1990 avec ses parents, le compositeur Alexander Zhurbин et l'écrivain Irena Ginzburg. Il partage son temps entre trois activités majeures : il est artiste dans des groupes aussi divers que son propre groupe, LJOVA AND THE KONTRABAND, des quatuors de cordes, de petites formations de jazz et des groupes tziganes ; il étudie et fait des arrangements pour Yo-Yo Ma, le quatuor Kronos Quartet, Jay-Z et bien d'autres ; il compose des musiques originales pour des longs et courts métrages, pour la télévision, la danse et la scène musicale. Ljova est l'auteur de plus de 70 compositions pour des ensembles de musique classique, de jazz et de musique folklorique, il a également écrit des partitions pour des films. Son premier album solo, VJOLA : WORLD ON FOUR STRINGS, très apprécié, est sorti chez Kapustnik Records en 2006. Entre autres labels, ses musiques et arrangements ont été enregistrés chez Sony et Nonesuch.

ЛЕВ ЖУРБИН «Один из стремительно растущих композиторов и инструменталистов Нью-Йорка» (журнал Billboard), «эkleктик, умеющий создавать музыкальную фактуру... необычайно оригинальную и душевную» (The New York Times), Лев Журбин родился в 1978 году в Москве, а в 1990 году переехал в Нью-Йорк со своими родителями – композитором Александром Журбиным и писательницей Ириной Гинзбург. Он находит время для выступлений в качестве альтиста с разнообразными коллективами, начиная своим собственным ансамблем «Лева и контрабанда», и заканчивая струнными квартетами, джазовыми и цыганскими ансамблями; для изучения и аранжировки музыкальных сочинения для Йо-Йо Ма, квартета «Кронос», Джем-Зи и других; а также для сочинения собственных композиций для кино, телевидения, танцевальных трупп и концертных залов. Лев написал более 70 сочинений для классических, джазовых и фольклорных ансамблей и кино. Его первый сольный альбом «Виола: Мир в четырех струнах», пользующийся большим успехом, в 2006 году выпустила студия «Капустник». Его сочинения и аранжировки были также записаны компаниями Sony и Nonesuch.

Premiere of "Sing, Poetry" and "Caprice étrange" with the St. Petersburg Chamber Philharmonic
Glinka Hall, St. Petersburg, December 25, 2009. Photo © Vladimir Postnov

"Troika" recording session with the St. Petersburg Chamber Philharmonic
Julia Kogan and Jeffery Meyer
Petersburg Recording Studio, December 26, 2009 Photo © Vladimir Postnov

TROIKA

"Sing, Poetry"

poems - poèmes - стихотворения

Recording "Provence" (English version), with composer James DeMars

Photo © Vladimir Postnov

Тексты Набокова, использованные в вокальном цикле "Пой, Поэзия"

Дождь пролетел

Дождь пролетел и сгорел на лету.
Иду по румяной дорожке.
Иволги свищут, рябины в цвету,
белеют на ивах сережки.

Воздух живителен, влажен, душист.
Как жимолость благоухает!
Кончиком вниз наклоняется лист
и с кончика жемчуг роняет.

1917, *Выра*

Еще безмолвствую

Еще безмолвствую и крепну я в тиши.
Созданий будущих заоблачные грани
еще скрываются во мгле моей души,
как выси горные в предутреннем тумане.

Приветствую тебя, мой неизбежный день.
Все шире, шире даль, светлей,
разнообразней,
и на звенящую, на первую ступень
вскожу, исполненный блаженства и
боязни.

1919, *Крым*

46

Nabokov's texts used in the song cycle
"Sing, Poetry"

The Rain Has Flown

The rain has flown and burnt up in flight.
I tread the red sand of a path.
Golden orioles whistle, the rowan is in bloom,
the catkins on willows are white.

The air is refreshing, humid and sweet.
How good the caprifole smells!
Downward a leaf inclines its tip
and drops from its tip a pearl.

1917, *Vyra*

I Still Keep Mute

I still keep mute – and in the hush grow
strong.
The far-off crests of future works, amidst
the shadows of my soul are still concealed
like mountaintops in pre-auroral mist.

I greet you, my inevitable day!
The skyline's width, variety and light
increase; and on the first, resounding step
I go up, filled with terror and delight.

1919, *Crimea*

Traductions de textes de Nabokov utilisés
dans le cycle de mélodies « Chante, Poésie »

La pluie s'est envolée

La pluie s'est envolée et s'est consumée en vol.
Je longe un sentier vermeil.
Les loriotis sifflent, les sorbiers sont en fleurs,
les saules sont couverts de chatons blancs.

L'air est vivifiant, humide et parfumé.
Comme le chèvrefeuille embaume!
La pointe d'une feuille se penche vers le sol
et let laisse tomber une perle de sa pointe.

1917, *Vyra*

Traduit par Bernard Kreise

Je me tais encore

Je me tais encore et deviens fort dans le silence.
Les limites chimériques des futures créations
Se cachent encore dans l'obscurité de mon âme,
comme des sommets montagneux dans la
brume de l'aube.

Je te salue, journée à venir.
De plus en plus vaste est le lointain, plus clair,
plus divers,
et je gravis, rempli de bonheur et de peur,
la première marche retentissante.

1919, *Crinée*

Traduit par Bernard Kreise

Прованс

Слоняюсь переулками без цели,
прислушиваюсь к древним временам:
при Цезаре цикады те же пели,
и то же солнце стлалось по стенам.

Поет платан, и ствол – в пятнистом
блеске;
поет лавочка; можно отстранить
легко звенящий бисер занавески:
поет портной, вытягивая нить.

И женщина у круглого фонтана
поет, полощет синее белье,
и пятнами ложится тень платана
на камни, на корзину, на нее.

Как хорошо в звенящем мире этом
скользя плечом вдоль меловых
оград,
быть русским заблудившимся поэтом
среди полета латинского цикад!

1923, Solliès-Pont

Provence

I wander aimlessly from lane to lane,
bending a careful ear to ancient times:
the same cicadas sang in Caesar's reign,
upon the walls the same sun clings and climbs.

The plane tree sings: with light its trunk is
pied;
the little shop sings: delicately tings
the bead-stringed curtain that you push aside –
and, pulling on his thread, the tailor sings.

And at a fountain with a rounded rim,
rinsing blue linen, sings a village girl,
and mottle shadows of the plane tree swim
over the stone, the wickerwork, and her.

What bliss it is, in this world full of song,
to brush against the chalk of walls, what
bliss
to be a Russian poet lost among
cicadas trilling with a Latin lisp!

1923, Solliès-Pont

Provence

Je flâne sans but à travers les ruelles,
je tends l'oreille aux temps anciens :
les mêmes cigales chantaient sous César,
le même soleil s'égalait sur les murs.

Un platane chante, son tronc est dans un
éclat tacheté ;
une boutique chante, et on peut écarter
les perles du rideau qui tintent avec légèreté :
le tailleur chante en tirant son fil.

Et une femme près de la fontaine ronde
chante, elle rince son linge bleu,
et l'ombre du platane s'étend, il tache
les pierres, le panier et cette femme.

Comme il est bon dans ce monde sonore
de glisser son épaule le long des enceintes
crayeuses,
d'être un poète russe qui vagabonde
au milieu du babillage latin des cigales !

1923, Solliès-Pont
Traduit par Bernard Kreise

Ceiling of the Russian Museum, St. Petersburg
Photo © Chloë Nicolas

PUSHKIN · LERMONTOV
TYUTCHEV

P o e m s

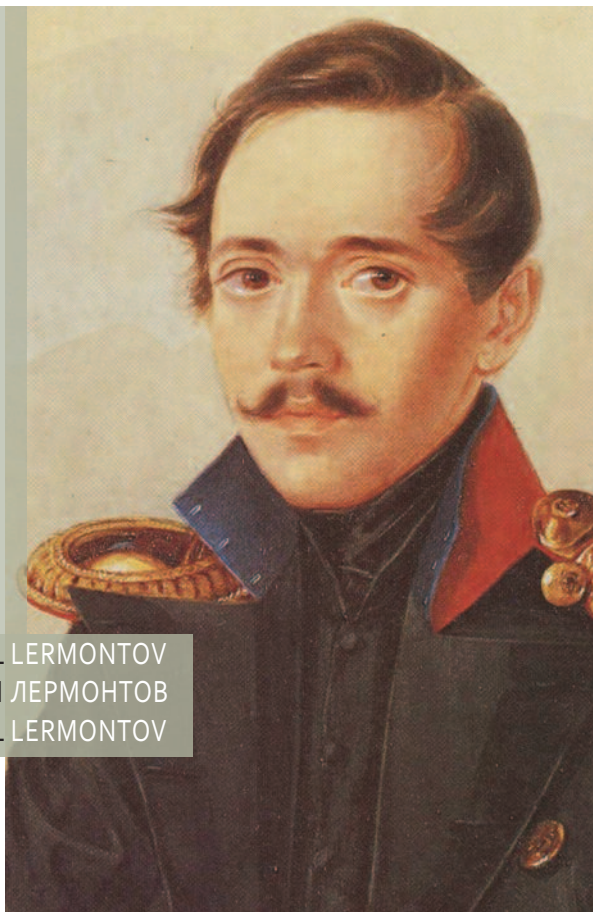

TROIKA

"Caprice étrange"

Lindsay Drummond Limited
London 1947

MIKHAIL LERMONTOV
МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ
MIKHAIL LERMONTOV

poet
poète
поэт

MIKHAIL YURYEVICH LERMONTOV (1814-1841) was born into a wealthy noble family. He was raised by his grandmother, having lost his mother at the age of three, and his largely absent father at sixteen. Lermontov read widely in Russian, French, German, and English, and was particularly influenced by Lord Byron. After his university studies, Lermontov embarked on a military career. Upon learning about the death of Pushkin, he wrote a biting poem in which he accused the tsar's inner circle of hounding Pushkin, and warned them of divine justice. The poem became a sensation, leading to Lermontov's arrest and subsequent exile to the Caucasus. While serving there as a military officer, he was inspired by the nature of the mountainous region and its people, writing some of his greatest works there, including the novel "The Hero of Our Time". Marked by a violent temper and poisonous wit, Lermontov fought a number of duels, once with the same pistols used by Pushkin and d'Anthès. His teasing of a former classmate led to a duel in which Lermontov was killed.

MIKHAIL YOURIÉVITCH LERMONTOV (1814-1841) est né dans une famille noble aisée. A la suite du décès de sa mère qui survint alors qu'il avait trois ans et de la perte de son père, qu'il ne voyait déjà pas beaucoup, peu après ses seize ans, il fut élevé par sa grand-mère. Lermontov se montra un lecteur avide de littérature en russe, français, allemand et anglais et fut particulièrement influencé par Lord Byron. Après ses études universitaires, Lermontov débuta une carrière militaire. A l'annonce de la mort de Pouchkine, il écrivit un poème mordant dans lequel il accusa le cercle de proches du tsar d'avoir traqué Pouchkine et les menaça de la justice divine. Ce poème fit sensation, entraînant l'arrestation de Lermontov et son exil consécutif dans le Caucase. Là, durant son service en tant qu'officier militaire, il trouva l'inspiration dans la nature de cette région montagnaise et ses habitants et écrivit quelques unes de ses œuvres les plus importantes dont « Un héros de notre temps ». Son tempérament violent et son esprit vif mais vénéux lui valurent un nombre important de duels dont l'un se déroula avec les mêmes armes qui servirent à Pouchkine et d'Anthès. Ses querelles constantes à l'égard d'un ancien camarade de promotion finirent par un duel au cours duquel Lermontov fut tué.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814-1841) родился в состоятельной дворянской семье. Когда ему было три года, умерла его мать, и Лермонтова взяла на воспитание бабушка. Отца своего мальчик видел редко. Лермонтов много читал на русском, французском, немецком и английском языках, особенное влияние на него оказал лорд Байрон. Закончив университет, Лермонтов поступил на военную службу. Узнав о смерти Пушкина, он написал язвительное/резкое стихотворение, в котором обвинил царское окружение в травле Пушкина и предостерег их от божественной справедливости. Стихотворение стало сенсацией, Лермонтова арестовали и отправили в ссылку на Кавказ в чине прапорщика. Вдохновлённый природой и людьми горного края, он написал там несколько великих произведений, в том и числе и роман «Герой нашего времени». Вспыльчивый и острый на язык Лермонтов не раз дрался на дуэлях, однажды на тех же револьверах, что и Пушкин с Дантесом. Его стычка с бывшим одноклассником Н.С. Мартыновым привела к дуэли, на которой Лермонтов был убит.

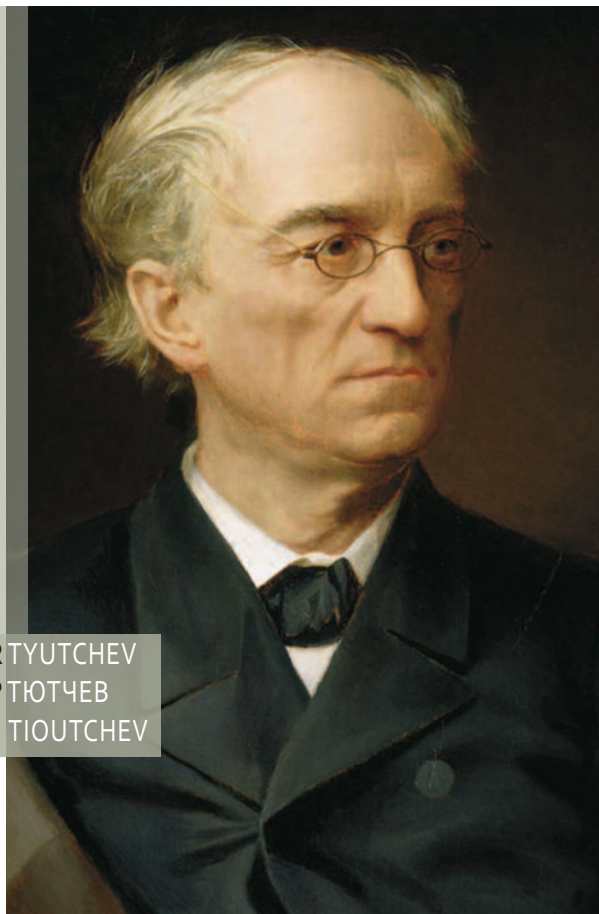
ALEKSANDR PUSHKIN
АЛЕКСАНДР ПУШКИН
ALEXANDRE ROUCHKINE

poet
poète
поэт

ALEKSANDR SERGEEVICH PUSHKIN (1799-1837) was born into a family of impoverished aristocrats. As was the norm in his milieu, Pushkin was raised speaking French, learning Russian largely from his beloved nanny and other household staff. He began writing poetry at the lycée in the Versailles-like Tsarskoe Selo; including a few youthful poems in French. The early fame he achieved for his lyrical poetry was solidified by a string of masterworks such as the epic fairy tale "Ruslan and Ludmila", the verse novel "Eugene Onegin", and the collection of plays "The Little Tragedies". Pushkin's liberal views led to official disfavor throughout his life, including exile, although he was not involved in the 1825 Decembrist uprising, which led to the execution or imprisonment of many of his friends. Indebted, persecuted by officialdom and sensitive to mockery by high society, many of whom had never read his works, preferring the more fashionable French and English literature, Pushkin reacted violently to rumors of his wife's affair with his brother-in-law, the French officer Georges d'Anthès. He challenged d'Anthès to a duel, was wounded, and died two days later.

ALEXANDRE SERGÉÏVITCH POUCHKINE (1799-1837) est né dans une famille d'aristocrates désargentés. Comme il était de mise dans son milieu, Pouchkine grandit avec la langue française ; il doit en grande partie sa connaissance du russe à sa bonne tant aimée et au reste du personnel de maison. Il commença à écrire de la poésie alors qu'il fréquentait encore le lycée de Tsarkoë Sélo, ville surnommée le « Versailles russe » ; de la même période datent quelques poèmes de jeunesse en français. Le succès ne tarda pas à couronner sa poésie lyrique et ne cessa de se confirmer lorsque parut une série de chefs-d'œuvre au nombre desquels se trouvent le conte épique et féérique « Rouslan et Ludmila », le roman en vers « Eugène Onéguine » et une collection de pièces de théâtre « Les Petites Tragédies ». Les vues libérales de Pouchkine lui valurent tout au long de sa vie une disgrâce officielle. Il dût même s'exiler bien que, contrairement à nombre de ses amis qui furent ensuite exécutés ou emprisonnés, il n'eût pas participé à la révolte décembriste de 1825. Criblé de dettes, persécuté par l'administration et sensible à la moquerie lorsqu'elle venait de la haute société, qui, la plupart du temps, n'avait même pas lu ses œuvres, préférant la littérature française et anglaise alors plus à la mode, Pouchkine réagit très violemment aux rumeurs suggérant la liaison de sa femme avec son beau-frère, l'officier français Georges d'Anthès. Il provoqua d'Anthès en duel, fut blessé et mourut deux jours plus tard des suites de sa blessure.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799-1837) родился в семье обедневших аристократов. Как было принято в дворянской среде той эпохи, воспитание Пушкина проходило на французском, а русский язык он выучил в большей степени от своей любимой няни и от остальной прислуги. Первые стихи были написаны им в Царскосельском Лицее, в том числе и несколько стихов по-французски. Стихи рано принесли ему славу. Но настоящее признание пришло к нему после таких шедевров, как «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин» и «Маленькие трагедии». Из-за своих либеральных взглядов Пушкин оказался в многолетней немилости у властей. Он был отправлен в ссылку, хотя он и не участвовал в восстании декабристов в 1825 году, в результате которого многие его друзья были либо казнены, либо сосланы. Кругом в долгах, подвергаемый гонению со стороны чиновников и слишком восприимчивый к насмешкам высшего общества, где многие никогда не читали его произведений, предпочитая более модную французскую и английскую литературу, Пушкин остро реагировал на слухи о связи его жены со своим свояком французским офицером Жоржем Дантесом. Он вызвал Дантеса на дуэль, был ранен и умер два дня спустя.

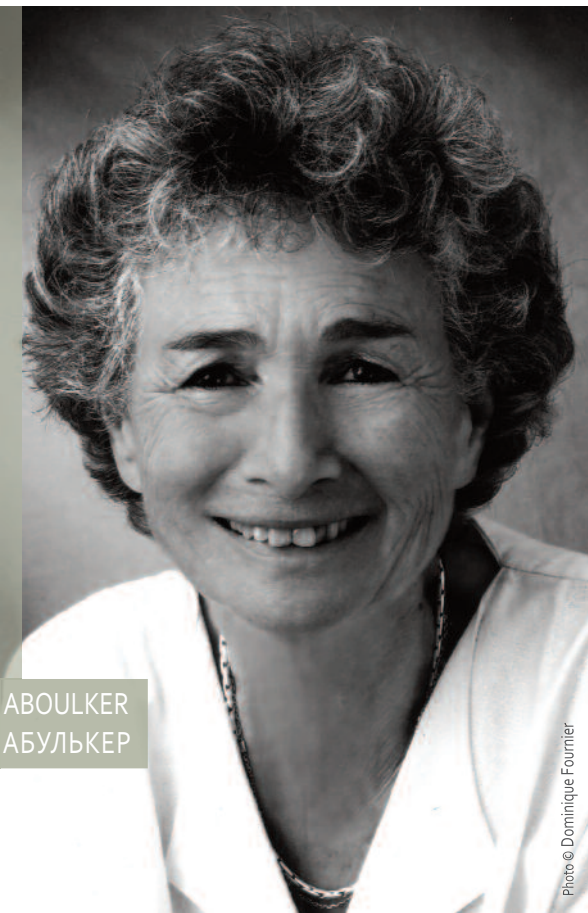
FYODOR TYUTCHEV
ФЁДОР ТЮТЧЕВ
FIODOR TIOUTCHEV

poet
poète
поэт

FYODOR IVANOVICH TYUTCHEV (1803-1873) was born into an old aristocratic family. At an early age, Tyutchev was much influenced by his private tutor, the poet Semyon Raich, who later also tutored Lermontov. Following university, Tyutchev entered government service, initially as a diplomat stationed primarily in Germany, until shortly after the death of his first wife in 1838. Several years later Tyutchev returned to Russia to work as a high-ranking censor until his death in Tsarskoe Selo aged almost 70. Although he wrote poetry since his teens, the beginning of Tyutchev's fame can be traced to the publication of several poems in Pushkin's review "Sovremennik" ("The Contemporary") in 1836. In addition to lyric poetry, Tyutchev wrote numerous poems and articles reflecting his conservative political views. Though Tyutchev did not consider himself a professional writer, he is often regarded, together with Pushkin and Lermontov, as one of the three greatest exponents of the "golden age" of Russian poetry, and "his short lyrics belong to the greatest ever written in Russian" (Vladimir Nabokov).

FIDOR IVANOVITCH TIOUTCHEV (1803-1873) est né dans une ancienne famille aristocratique. Très tôt, Tioutchev fut fortement influencé par son précepteur, le poète Semyon Raich, qui deviendra par la suite également le précepteur de Lermontov. Après l'université, Tioutchev entra au service du gouvernement en tant que diplomate. Sa carrière commença tout d'abord en Allemagne où il resta jusqu'à la mort de sa première femme en 1838. De nombreuses années après, Tioutchev retourna en Russie pour y travailler comme censeur de haut rang jusqu'à sa mort à Tsarkoé Sélo, presque à l'âge de 70 ans. Bien qu'il écrivit des poèmes depuis son adolescence, sa renommée ne date que de la publication de nombreux poèmes dans la revue de Pouchkine « Sovremennik » (« Le Contemporain ») en 1836. En plus de poèmes lyriques, Tioutchev écrivit de nombreux poèmes et articles dans lesquels se lisent ses vues politiques conservatrices. Bien que Tioutchev ne se considérât pas lui-même comme un écrivain professionnel, on le compte souvent, avec Pouchkine et Lermontov, parmi les trois principaux représentants de « l'âge d'or » de la poésie russe dont « les courts poèmes appartiennent aux meilleurs jamais écrits en Russie » (Vladimir Nabokov).

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ (1803-1873) принадлежал к старинному аристократическому роду. В юности на Тютчева сильно повлиял его учитель и наставник поэт С.Е. Раич, впоследствии также обучавший Лермонтова. По окончании университета Тютчев поступил на государственную службу и в качестве дипломата был оправлен в Германию, где и прослужил вплоть до смерти своей первой жены в 1838 году. Несколько лет спустя он вернулся в Россию и был назначен цензором в Министерстве иностранных дел. На этой должности Тютчев проработал до своей смерти в Царском Селе в возрасте 70 лет. Хотя он и писал стихи с юности, признание к Тютчеву пришло после публикации нескольких его стихотворений в журнале Пушкина «Современник» в 1836 году. Помимо лирической поэзии, Тютчев написал множество стихов и статей, отражающих его консервативные политические взгляды. Хотя Тютчев не считал себя профессиональным писателем, он наряду с Пушкиным и Лермонтовым считается одним из величайших представителей золотого века русской поэзии, и, по мнению Набокова, стихи его входят в число лучших, когда-либо написанных по-русски.

ISABELLE ABOULKER
ИЗАБЕЛЬ АБУЛЬКЕР

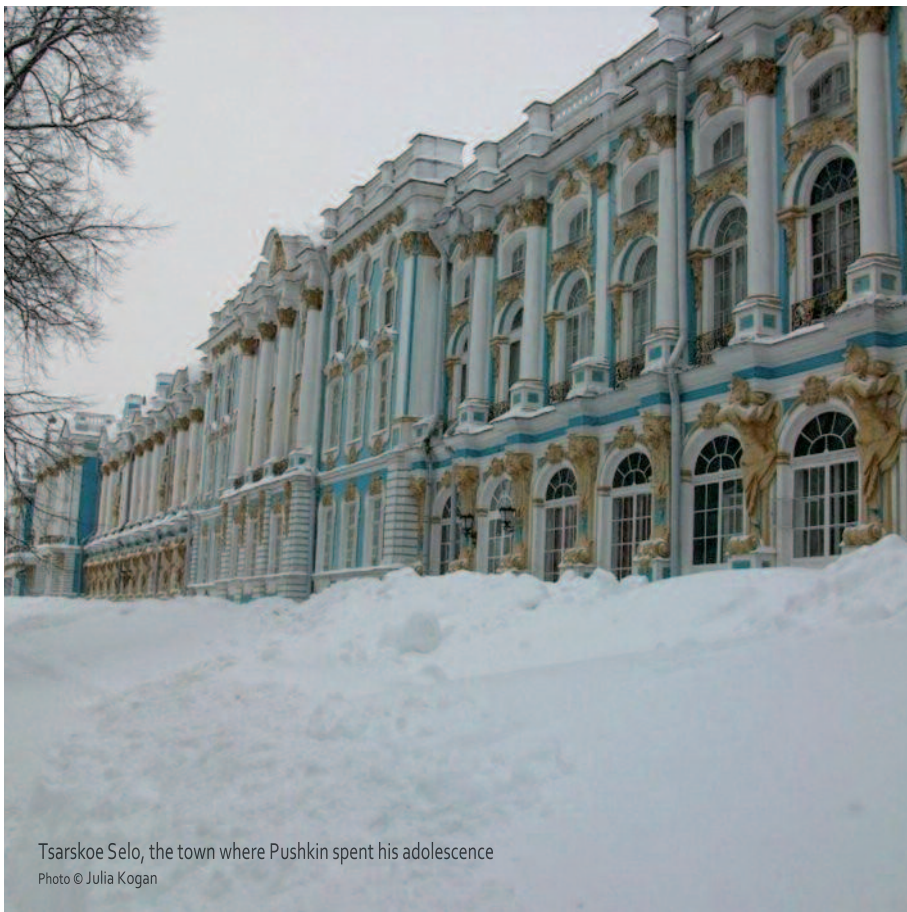
composer
compositeur
композитор

Photo © Dominique Fournier

ISABELLE ABOULKER (b. 1938) Born into a family of musicians, Isabelle Aboulker completed her studies at the Paris Conservatory where she accompanied singing and opera classes given by Jeanine Michau and Xavier Depraz which gave her a love of opera, and a knowledge of the voice and French repertoire. Since 1979 and the premiere of her first work "Les Surprises de l'Enfer", she has composed operas and other commissions from such institutions as the Opéra de Paris, Radio-France, the operas of Tours, Lyons and Limoges, the Debussy Quartet, the "Pasdeloup" Orchestra, and the Ensemble Orchestral de Paris... Recognition for her children's operas - "Douce et Barbe Bleu", "Les Enfants du Levant", "Jérémy Fischer", etc. - should not overshadow her more "serious" works, such as the oratorio, "L'Homme qui titubait dans la guerre", "Monsieur de Balzac fait son théâtre", and numerous art songs which have enjoyed much success with singers and audiences both in France and abroad. Isabelle Aboulker was a professor at the Paris Conservatory from 1984-2004, and was honored with the "Music" prize from the Société des Auteurs et Compositeurs de Musique in the year 2000.

ISABELLE ABOULKER (né en 1938) Issue d'une famille de musiciens, Isabelle Aboulker fait ses études au Conservatoire de Paris, et devient assistante des classes de chant et d'art lyrique de Jeanine Michau et Xavier Depraz ou se développent son goût pour l'Opéra, sa connaissance des voix et du répertoire français. Depuis 1979, date de la création au Théâtre de Caen de son premier ouvrage: "Les Surprises de l'Enfer", elle compose régulièrement des oeuvres lyriques, commandes d'institutions telles que l'Opéra de Paris, Radio-France, les opéras de Tours, Lyon et Limoges, le Quatuor Debussy, l'Orchestre Pasdeloup, l'Ensemble Orchestral de Paris... La reconnaissance de ses opéras pour enfants: "Douce et Barbe-Bleu", "Les Enfants du Levant", "Jérémy Fischer"... ne saurait faire oublier des oeuvres plus "sérieuses" comme l'oratorio: "L'Homme qui titubait dans la guerre", "Monsieur de Balzac fait son théâtre", et de nombreuses mélodies très appréciées des artistes lyriques tant en France qu'à l'étranger. Professeur au C.N.S.M. de Paris de 1984 à 2004, Isabelle Aboulker a été honorée en 2000 du prix "Musique" de la Société des Auteurs et Compositeurs de Musique.

ИЗАБЕЛЬ АБУЛЬКЕР (1938 г.р.) Изабель Абулькер родилась в семье музыкантов и окончила Парижскую консерваторию, где она также работала ассистентом профессоров Жанин Мишо и Хавьера Депраза на занятиях по вокалу и оперному искусству, во время которых она прониклась любовью к опере, а также приобрела тонкое понимание вокального мастерства и французского репертуара. После своей первой композиции Les Surprises de l'Enfer, написанной в 1979 году, она сочинила несколько опер и получила заказы от Парижской оперы, радио Франции, оперных домов Тура, Лиона и Лиможа, квартета им. Дебюсси, оркестра Pasdeloup и Оркестрового ансамбля Парижа. Приобретенная ею известность благодаря детским операм - Douce et Barbe Bleu, Les Enfants du Levant, Jérémy Fischer - не должна затмевать ее более "серьезные" работы, например, оратории L'Homme qui titubait dans la guerre, Monsieur de Balzac fait son théâtre, а также множество романсов, которые пользуются большим успехом у исполнителей и тепло принимаются публикой как во Франции, так и за ее пределами. Изабель Абулькер преподавала в Парижской консерватории с 1984 по 2004 год и была удостоена премии Общества авторов и композиторов музыки в 2000 году.

Tsarskoe Selo, the town where Pushkin spent his adolescence

Photo © Julia Kogan

TROIKA

"Caprice étrange"

poems - poèmes - стихотворения

Pushkin and Natalia Goncharova, drawing by A. Pushkin, ca. 1830

Textes utilisés dans le cycle de mélodies
« Caprice étrange » d'Isabelle Aboulker

Alexandre Pouchkine

Mon Portrait

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature :
Mon cher, il sera bientôt fait
Quoiqu'en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes ;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Oui, il ne fut babillard,
Ni docteur en Sorbonne,
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs
Las ! n'est point égalée ;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude ;
J'abhore et noises et débats
Et tant soit peu l'étude.

Translations of texts used in the song
cycle "Strange caprice" by Isabelle
Aboulker

Aleksandr Pushkin

My Portrait

You ask me for my portrait,
You want a likeness from nature:
My dear, you will soon have it,
Although in miniature.

I'm a saucy little rascal,
Still in his school days;
I tell you I'm no numbskull,
And I'm not pulling a face.

Yes, never was there chatterbox
Nor Sorbonne pedant
More of a tiresome, blaring pox
Than yours truly in person.

My height compared to the tallest
Falls well short, alas!
My look is hale and hearty,
And my fair hair a curly mass.

I like the world and all its din,
I detest solitude;
I hate bickering and fighting,
And for lessons I'm never in the mood.

Переводы текстов, использованных в
вокальном цикле "Странный каприз"
Изабеллы Абулкер

Александр Пушкин

Мой портрет

Вы попросили мой портрет,
написанный с натуры.
Здесь для романа места нет –
дарю миниатюру.

Пред вами юный сорванец,
еще хожу я в классы.
Замечу – Пушкин не глупец –
без пошленькой гримасы.

Среди сорбонских докторов
вам не найти, бесспорно,
таких несносных болтунов,
как ваш слуга покорный.

А с долговязыми мой рост
увы, сравню едва,
я свеж лицом, русоволос,
курчава голова.

Люблю и свет, и шум, и ор.
Уединенья скука
не нравится, бегу от ссор,
меня томит наука.

60

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée
Je dirais ce que j'aime encore
Si je n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître ;
Oui, tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe pour la mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

1814

Mikhaïl Lermontov

* * *

Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit !

Alors toute ma vie
A mes yeux apparait;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Shows and dances I adore,
Of other things I like I'd say
Willingly much more
Were I not still at the Lycée.

After all that, my dear friend,
One can't but recognize me;
Yes, I want to be to the very end
Just as the Good Lord made me.

A mischievous devil I remain,
A real monkey as regards my mien,
Often, too often, scatterbrained,
Well, my dear, that's Pushkin.

1814

Translated by Richard Jonathan

Mikhail Lermontov

* * *

When I see you smile
My heart swells with feeling
And I want to tell you
What my heart tells me!

Then before my eyes
My whole life appears;
I curse, and I pray,
And I weep in secret.

По вкусу мне театр, балы.
А если быть честнее,
чему я воздаю хвалы,
сказал бы — не в Лицее...

Себя я честно рисовал.
Легко теперь узнать:
каким Господь меня создал,
тем и хочу предстать.

Лицом – мартышка, в играх – бес,
страстей – не господин,
и ветреный я, вот вам крест...
Ну всё! Voilà Pouchkine...

1814

Перевод Маргариты Голубевой

Михаил Лермонтов

* * *

Едва улыбку замечаю –
Трепетет сердце, как в огне.
Сказать тебе давно мечтаю,
Что сердце шепчет мне.

Вся жизнь встает перед глазами –
Я проклинаю и молюсь.
И в тайне от тебя слезами
Я сладкими томлюсь.

61

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir !..

1830 ou 1831

Fiodor Tiouttchev

Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage,
Nous asseoir un instant sur le bord du chemin –
Et sentir sur nos fronts floter le même ombrage,
Et porter nos regards vers l'horizon lointain.

Mais le temps suit son cours et sa pente
inflexible

A bientôt séparé ce qu'il avait uni, –
Et l'homme, sous le fouet d'un pouvoir invisible,
S'enfoncé, triste et seul, dans l'espace infini.

Et maintenant, ami, de ces heures passées,
De cette vie à deux, que nous est-il resté ?

For without you, my guiding light,
Without your fiery gaze,
My past seems empty,
Like heaven without God.

And then, strange caprice,
I find myself blessing
The beautiful day, oh my angel,
When you made me suffer!

1830 or 1831

Translated by Richard Jonathan

Fyodor Tyutchev

The two of us would, tired out by travel
Sit down a moment by the side of the road –
And feel the same shadow float on our brow,
And into the distant horizon cast our gaze.

But time follows its course, and its
unwavering path

Soon parted what it had brought together –
And, driven by some invisible force, one
Gets lost, sad and lonely, in endless space.

And now, my friend, of these hours gone by,
Of this life together, what has remained?

Былое пусто, безотраднo,
Словно без Бога небеса.
Без обжигающего взгляда
Угасну в полчаса.

Что за причудливая прихоть –
Благословляю день, когда
Меня Вы, о мой ангел тихий,
Заставили страдать.

1830 или 1831

Перевод Маргариты Голубевой

Фёдор Тютчев

Мы были странники, и шли одной дорогой.
Усталые, на миг присесть могли в пыли.
Одна и та же тень по лбам скользила строго,
Одну и ту же цель мы видели вдали.

Слепой поток времён разрушил то, что
создал,

Соединив на миг и разлучив на век.
И осознан закон – бесчувственный и грозный –
В пространстве тонет одинокий человек.

А что осталось мне от прошлой нашей
жизни?

Un regard, un accent, des débris de
pensées. –
Hélas, ce qui n'est plus a-t-il jamais été ?

4 avril 1838

Alexandre Pouchkine

Couplets

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire :
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, a vos bouteilles :
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage
Et tout s'écoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,

A look, a voice, scraps of thought –
Alas, that which is no longer, did it ever
exist?

April 4, 1838

Translated by Richard Jonathan

Aleksandr Pushkin

Couplets

When a poet in his rapture
Reads you his ode, his masterpiece,
When over a line a storyteller lingers,
When to a parrot you give heed,
Then, not finding the word to laugh at,
You doze off or yawn into your kerchief,
And wait for the right time to say:
Until the pleasure of meeting again.

But when alone with your sweetheart
Or with bright and witty folk,
True happiness comes to life,
You are contented, you laugh, you sing.
Let your peaceful evenings run on,
And towards the end sing out
To your friends, to your wine:
Until the pleasure of meeting again.

Friends, life is fleeting
And with time all things must pass,
Love, too, is but a fickle thing,

Разделим на двоих мгновенья общих лет:
Дыханье, шёпот, взгляд, осколки слов и мыслей...
А разве было то, чего уж больше нет?

4 апреля 1838

Перевод Марины Бабаевой

Александр Пушкин

Куплеты

Когда поэт прочтёт в восторге
Вам книгу скучных длинных од,
Когда рассказ безумно долгий,
А поугай Вам чужь несёт –
То вы зевааете давно,
Не в силах слушать эти речи,
Сказать мечтая лишь одно:
До новой и приятной встречи.

Но с собеседником учёным
Или с любовью вдвоем
К нам счастье снова благосклонно,
И мы смеемся и поём.
Но безмятежным быть нельзя
Так долго. И, закончив вечер,
Споём бутылкам и друзьям:
До новой и приятной встречи.

Друзья, а жизнь так быстротечна,
Всё сносит лёгкая волна.
Любовь свою не уберечь нам –

63

Un oiseau de notre printemps ;
Trop tôt il fuit, riant sous cape –
C'est pour toujours, adieu l'Espoir !
On ne dit pas dès qu'il s'échappe :
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va là-haut.
Souvent – le cas n'est pas si rare –
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes :
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi ? Je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasse –
Il n'est pas fait pour les chanteurs,
Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez – adieu, ma plume !
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

1817

A bird of our spring;
Too soon it flies away, laughing up its sleeve –
It's gone forever, farewell Hope!
Once it's slipped away you wouldn't say:
Until the pleasure of meeting again.

Time flies away, sadly and cruelly,
And sooner or later you go up there.
Often – the case is not that rare –
Chance saves us from the grave.
The hordes of ills retreat,
And the horrible black skeleton
Goes away to knock on other doors:
Until the pleasure of meeting again.

Now what? I feel I'm growing weary
Of tiring out my dear listeners,
So, from Parnassus I descend –
It is not made for singers;
It is for verse that I am full of fire,
My power is over the refrain,
Enough already – goodbye, my pen!
Until the pleasure of meeting again.

1817

Translated by Richard Jonathan

Весенней птицею она
Слетит, смеясь исподтишка.
Надежды миг недолговечен.
Не скажешь канувшей в века:
До новой и приятной встречи.

Судьбы не остановишь реку –
Мы все уходим в свой черёд.
И только случай нам нередко
Сойти в могилу не даёт.
И отвратительный скелет
Уносит ужасы далече,
К другим дверям, и молвит вслед:
До новой и приятной встречи.

Но что? Я уж Морфею внемлю,
Мой милый слушатель, и Вас
Я утомил. Спущусь на землю –
Не создан для певцов Парнас.
Мой пыл горел для этих строф.
И мне припел не смел перечить.
Довольно же – прощай, перо!
До новой и приятной встречи.

1817

Перевод Маргариты Голубевой

"Troika" painting by N. Samokish, ca. 1930

TROIKA

"there..."

"Sing, Poetry"

"Caprice étrange"

JULIA KOGAN
ЮЛИЯ КОГАН

soprano
сопрано

Photo © ETRES ES Girona

JULIA KOGAN is an American-raised Ukrainian-born coloratura soprano living in France. Her repertoire ranges from Baroque to contemporary, and encompasses opera, art song, oratorio and new works fusing music and literature in which she is a creative partner. She made her operatic debut with Toulouse Opera as Queen of the Night in 2004, and has since sung at Austrian, French, and American theaters and festivals (Musikfestival Steyr, and opera companies of Avignon, Toulon, Indianapolis, Manitoba, Limoges, etc.) garnering praise from numerous publications, among them Kronen Zeitung, Opera News, The Washington Post, and The New York Times. Favourite roles include Queen of the Night in "Die Zauberflöte", Zerbinetta in "Ariadne auf Naxos", Blonde in "Die Entführung", Madame Herz in "Der Schauspieldirektor", and Greta Fiorentino in "Street Scene".

Julia has concertized throughout Europe, Africa, and the Americas, including such venues as the Kremlin, St. Petersburg's Glinka Hall, the Hôtel de Ville in Paris, the Alcazar Palace in Seville, the Library of Congress in Washington D.C., Alice Tully Hall at the Lincoln Center, and multiple appearances at Carnegie Hall since her debut in 2008. Recent and upcoming concert collaborations include the Figueiredo Consort, the Newcastle Baroque Orchestra, Les Passions, the Junge Philharmonie Wien, the Little Orchestra Society, the Ensemble Calliopée, the Ukrainian National Symphony and the Toulon Opera orchestra.

A solo album, "Vivaldi Fioritura", recorded with Chamber Orchestra Kremlin under Misha Rachlevsky, has been released on Rideau Rouge Records with distribution by Harmonia Mundi. www.juliakogan.com

JULIA KOGAN, chanteuse soprano colorature, est née en Ukraine, a grandi aux Etats-Unis et vit maintenant en France. Son répertoire s'étend du baroque au contemporain et embrasse des genres musicaux aussi divers que l'opéra, le chant lyrique, l'oratorio et des œuvres actuelles mêlant musique et littérature, à la création desquelles elle participe activement. Elle a débuté en 2004, à l'opéra de Toulouse dans le rôle de la Reine de la Nuit et a depuis chanté dans des théâtres, opéras et festivals autrichiens, français et américains (au festival de musique de Steyr, avec les compagnies d'opéra d'Avignon, Toulon, Indianapolis, Manitoba, Limoges, etc.) La presse, que ce soient le Kronen Zeitung, l'Opera News, le Washington Post ou le New York Times, l'a couverte d'éloges. Parmi ses rôles favoris, on trouve la Reine de la Nuit dans « Die Zauberflöte », Zerbinetta dans « Ariadne auf Naxos », Blonde dans « Die Entführung », Madame Herz dans « Der Schauspieldirektor » et Greta Fiorentino dans « Street Scene ».

Les concerts de Julia se sont tenus en Europe, en Afrique, en Amérique du Sud et du Nord, dans des lieux tels que le Kremlin, le Glinka Hall de Saint-Petersbourg, l'Hôtel de Ville de Paris, l'Alcazar de Séville, la Library of Congress à

Washington D.C., le Alice Tully Hall au Lincoln Center et de nombreuses fois le Carnegie Hall, depuis qu'elle a fait ses débuts en 2008. Parmi ses engagements récents et à venir, on note des collaborations à des concerts avec le Figueiredo Consort, le Newcastle Baroque Orchestra, Les Passions, le Junge Philharmonie Wien, la Little Orchestra Society, l'Ensemble Calliopée, l'Ukrainian National Symphony et l'orchestre de l'Opéra de Toulon.

Elle a enregistré un album solo « Vivaldi Fioritura » avec l'Orchestre de Chambre du Kremlin sous la direction de Misha Rachlevsky. Cet album est sorti chez Rideau Rouge Records et est distribué par Harmonia Mundi. www.juliakogan.com

ЮЛИЯ КОГАН (колоратурное сопрано) родилась на Украине, воспитывалась в США и в настоящее время проживает во Франции. Ее репертуар включает произведения от эпохи барокко до нашего времени, охватывает оперные арии, романсы, а также современные сочинения, сочетающие музыку и литературу, при создании которых она играет активную творческую роль. Оперный дебют Юлии — она исполнила партию Царицы ночи — состоялся в 2004 году в оперном театре Тулузы, после чего она выступала в театрах и на фестивалях в Австрии, Франции, Северной Америке (музыкальный фестиваль Steyr, оперные труппы Авиньона, Тулона, Индианаполиса, Манитобы, Лиможа и т. д.), получая похвалы множества печатных изданий, например Kronen Zeitung, Opera News, The Washington Post и The New York Times. Среди любимых ролей Царица ночи в «Волшебной флейте», Зербинетта в «Ариадне на Наксосе», Блонда в «Похищении из Сералы», госпожа Херц в «Директоре театра» и Грета Фьорентино в «Уличной сцене».

Юлия выступала с концертами в Европе, Африке, Северной и Южной Америке в таких концертных залах как московский Кремль, петербургский малый зал им. Глинки, парижский Отель-де-Виль, севильский Алькасар, вашингтонская Библиотека Конгресса, зал им. Алисы Талли в Линкольн-центре, и неоднократно появлялась на сцене Карнеги-холла после своего дебюта в 2008 году. Недавно Юлия сотрудничала и планирует сотрудничество с ансамблем Фигуеро, Барочным оркестром Ньюкасла, коллективом Les Passions, Молодежным филармоническим оркестром Вены, оркестром Little Orchestra Society, ансамблем Calliopée, Национальным симфоническим оркестром Украины и оркестром Тулонской оперы.

Студия Rideau Rouge Records выпустила сольный альбом Vivaldi fioritura, записанный при сотрудничестве камерного оркестра Kremlin под руководством Миши Рахлевского; дистрибуцией диска занимается Harmonia Mundi. www.juliakogan.com

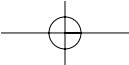
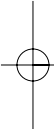
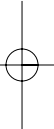
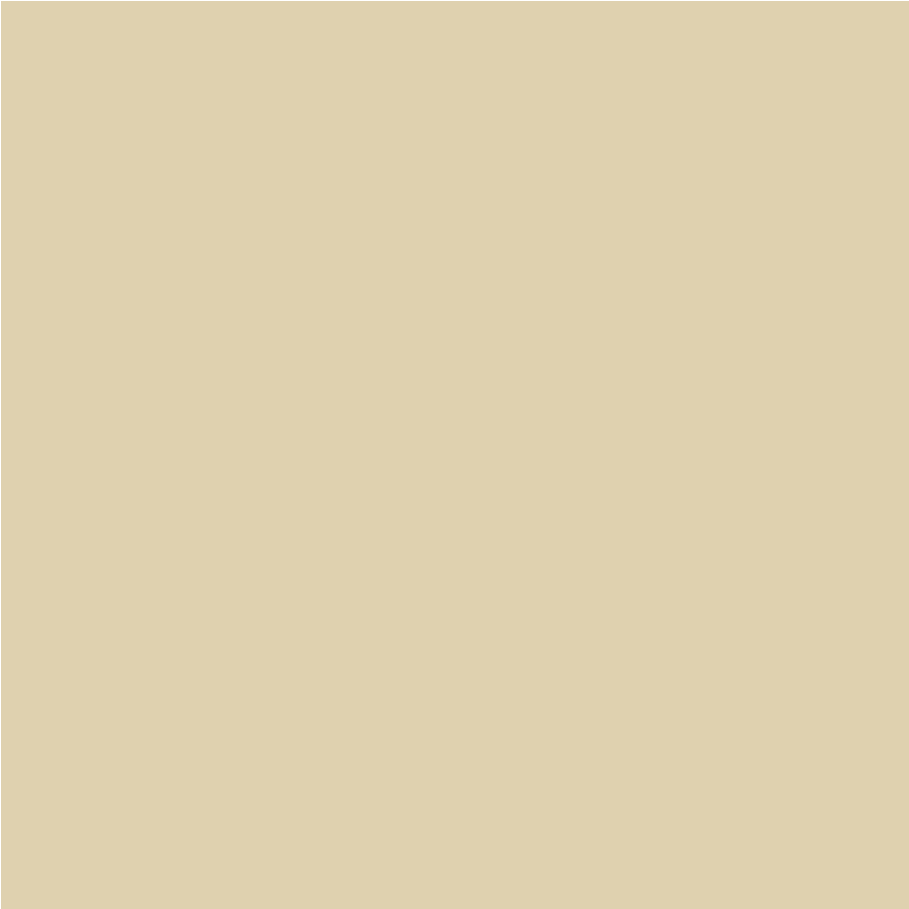
69

Recording "Troika" at Petersburg Recording Studio, December 26, 2009

Photo © Vladimir Postnov

JEFFERY MEYER
ДЖЕФФРИ МАЙЕР

conductor
chef d'orchestre
дирижер

Photo © Vladimir Postnov

Born in Chicago, **JEFFERY MEYER** began his musical studies as a pianist, and shortly thereafter continued on to study composition and conducting. He is founder and Artistic Director of the St. Petersburg Chamber Philharmonic in Russia and the Director of Orchestras at Ithaca College School of Music. In recent concert seasons, he has been seen conducting, performing as piano soloist and chamber musician, as well as conducting from the keyboard in the United States, Canada, Russia, Italy, Spain, Germany and throughout Eastern and Southeastern Asia.

Dedicated to the music of our time, Mr. Meyer has collaborated with dozens of composers, and commissioned and premiered numerous new works. In 2007, he made his Glinka Hall conducting debut in the final concert of the 43rd St. Petersburg "Musical Spring" International Festival, featuring works by three of St. Petersburg's most prominent composers, and in 2009, he conducted the opening concert of the 14th International Musical Olympus Festival at the Hermitage Theatre. He has been featured numerous times as part of the "Sound Ways" International New Music Festival. Most recently, he led the St. Petersburg Chamber Philharmonic in its U.S. debut with three performances at Symphony Space's 2010 "Wall-to-Wall, Behind the Wall" Festival in New York City which the New York Times called "impressive", "powerful", "splendid", and "blazing."

As a pianist, Meyer has been in residence at the Banff Centre as well as the Aspen Music Festival. He performs frequently with percussionist Paul Vaillancourt as part of the duo Strike, which released an album of world-premiere recordings on Luminescence Records, Chicago in 2010. The duo has performed throughout the United States as well as in Russia, and recently appeared at the Beijing Modern Festival in China. He has been broadcast on CBC, has recorded and performed with the Philadelphia Virtuosi (Naxos) and has been heard as a soloist at the Aspen Festival. Meyer has been distinguished in several international competitions and was a prizewinner in the 2008 10th International Conducting Competition "Antonio Pedrotti."

Né à Chicago, **JEFFERY MEYER** a commencé ses études musicales par le piano puis, peu de temps après, a poursuivi par l'apprentissage de la composition et de la direction d'orchestre. Il est le fondateur et directeur artistique du St. Petersburg Chamber Philharmonic en Russie et le directeur des orchestres de l'Ithaca College School of Music. Durant les dernières saisons musicales, on a pu le voir en tant que chef d'orchestre, piano solo et musicien de chambre et a également dirigé au piano aux Etats-Unis, au Canada, en Russie, Italie, Espagne, Allemagne et en Asie de l'Est et du Sud-est.

Se consacrant aux musiques actuelles, M. Meyer a collaboré avec des douzaines de compositeurs, a commandé et participé à la première de nombreuses nouvelles œuvres. En 2007, il a fait ses débuts de chef d'orchestre au Glinka Hall lors du concert de clôture du 43eme Festival International de Saint-Petersbourg « Musical Spring », proposant des œuvres de trois des plus éminents compositeurs de Saint-Petersbourg. En 2009, il a dirigé le concert d'ouverture du 14eme Festival musical International Olympus au théâtre de l'Hermitage. Il a été, à plusieurs reprises, mis à l'honneur en tant que membre du Festival International de Musique contemporaine « Sound Ways ». Il a tout récemment dirigé le St.Petersburg Chamber Philharmonic qui, lors du festival 2010 de New York au Symphony Space « Wall-to-

Wall, Behind the Wall », faisait ses débuts aux Etats-Unis avec trois performances que le New York Times a qualifiées d' « impressionnantes », « puissantes », « splendides » et « flamboyantes ».

En tant que pianiste, Meyer a été accueilli en résidence au Banff Centre for the Arts et au festival d'Aspen. Au sein du duo Strike, il se produit fréquemment avec le percussionniste Paul Vaillancourt avec lequel il a enregistré en 2010 chez Luminescence Records à Chicago un album de premières mondiales. Le duo a joué aux Etats-Unis, en Russie et récemment en Chine lors du Beijing Modern Festival. Meyer est passé sur CBC, a enregistré et s'est produit avec le Philadelphia Virtuosi (Naxos) et on a pu l'entendre comme soliste au festival d'Aspen.

Meyer a été distingué dans plusieurs concours internationaux et a récemment remporté un prix, en 2008, au 10ème Concours International de Direction d'Orchestre « Antonio Pedrotti ».

Родом из Чикаго, **ДЖЕФФРИ МАЙЕР** начал свое музыкальное образование с класса фортепиано, а затем продолжил его на композиторском и дирижерском факультетах. Учредитель и художественный руководитель Санкт-Петербургской камерной филармонии в России, руководитель оркестров Музыкальной школы колледжа Итака в США. В течение последних лет он выступал в качестве дирижера, сольного пианиста, музыканта камерного ансамбля, а также исполнял сольные партии на фортепиано, одновременно дирижируя, в США, Канаде, России, Италии, Германии и Юго-Восточной и Восточной Азии.

Преданный музыке нашего времени, г-н Майер сотрудничает с множеством композиторов – заказывает произведения и выступает с премьерами сочинений. В 2007 г. он дебютировал в качестве дирижера в Малом зале им. Глинки на заключительном концерте 43-го Международного фестиваля «Петербургская музыкальная весна», на котором были исполнены произведения трех видных композиторов Санкт-Петербурга. В 2009 г. он дирижировал на открытии 14-го Международного фестиваля «Музыкальный олимп» в Эрмитажном театре. Гн Майер также неоднократно выступал на фестивале новой музыки «Звуковые пути». Совсем недавно под его руководством Санкт-Петербургская камерная филармония выступила с дебютом в США: оркестр трижды представил перед публикой в рамках фестиваля культурного центра Symphony Space «От стены к стене: Находясь за стеной», проходившего в Нью-Йорке в 2010 г. New York Times охарактеризовала оркестр как «впечатляющий», а его исполнение назвала «замечательным» и «виртуозным».

В качестве пианиста Майер работал в Центре искусств города Банфф (Канада), а также на Аспенском фестивале (США). Майер часто выступает с перкуссионистом Полом Вэланкуром в составе дуэта Strike; в 2010 г. студия Luminescence Records, Чикаго, выпустила диск с записями произведений, исполняющихся впервые. Дуэт неоднократно выступал в США и России, а совсем недавно принял участие в фестивале современной музыки в Пекине. Выступления Майера транслировались по CBC; выступления с камерным оркестром «Виртуозы Филадельфии» были записаны студией Naxos; сольные выступления звучали на Аспенском фестивале.

Майер был отмечен на нескольких международных конкурсах и в 2008 г. стал победителем 10-го Международного конкурса дирижеров «Антонио Педротти».

Winter ice on a St. Petersburg canal

Photo © Chloë Nicolas

THE ST. PETERSBURG CHAMBER PHILHARMONIC
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ КАМЕРНАЯ ФИЛАРМОНИЯ
LE ST. PETERSBURG CHAMBER PHILHARMONIC

St. Petersburg Chamber Philharmonic
Jeffery Meyer - artistic director

first violins

Ekaterina Budnikova - concertmaster
Boris Kuznetsov
Elena Grigorjeva
Maria Topilina
Anastasia Lyсенko

second violins

Ljubov Stekolshikova - principal
Lukas Haramilo
Aleksei Gusarov
Polina Moskaleva

violas

Mihail Sokolov - principal
Gleb Kuznetsov
Mihail Vasiruk
Dmitri Platanov

cellos

Andrei Ivanov - principal
Vsevolod Dolganov
Igor Kuznetsov

bass

Dmitri Golovchenko - principal

Timofey Buzina - general manager

Photo © Vladimir Postnov

THE ST. PETERSBURG CHAMBER PHILHARMONIC was founded in 2002 to create and encourage cultural exchange between the United States and Russia and has since become one of St. Petersburg's most exciting and innovative chamber orchestras. Since its inception, the St. PCP has performed in the major concert halls of the city and has been presented in its most important festivals including the International Musical Olympus Festival, International New Music Festival "Sound Ways", International Festival St. Petersburg "Musical Spring", 5th Annual Festival "Japanese Spring in St. Petersburg", and "Avant-garde in our Days" Music Festival. Led by Artistic Director Jeffery Meyer, the New York Times called its 2010 performances at Symphony Space in New York City "impressive," "powerful," "blazing," and "polished." The orchestra's dynamic performances and progressive programming has distinguished it among the many orchestras of the city.

As of this recording, the St. PCP has performed over 150 works, including over a dozen world premieres, introduced St. Petersburg audiences to more than 30 young performers, conductors and composers from 15 different countries (such up-and-coming stars as Alisa Weilerstein, cello), and performed works by nearly 40 living American and Russian composers, including Russian premieres of works by Pulitzer Prize-winning American composers Steve Reich, Steven Stucky, and John Adams as well as new works by St. Petersburg's most distinguished composers Sergei Slonimsky, Leonid Rezetdinov, Alexander Radvilovich, Anatoly Koriolov and Boris Tischenko. www.st-pcp.org

LE ST. PETERSBURG CHAMBER PHILHARMONIC a été fondé en 2002 pour créer et encourager les échanges culturels entre les Etats-Unis et la Russie. Il est depuis devenu l'un des orchestres de chambre de Saint-Petersbourg les plus passionnants et les plus innovants. Depuis sa création, le St. Petersburg Chamber Philharmonic a joué dans les salles de concert les plus prestigieuses de la ville et a été présenté dans ses plus importants festivals dont le Festival Musical International Olympus, le Festival International de Musique contemporaine « Sound Ways », le Festival International de Saint-Petersbourg « Musical Spring », le cinquième festival annuel « Japanese Spring in St. Petersburg » et le festival de musique « Avant-garde in our Days ». Sous la direction de Jeffery Meyer, directeur artistique, l'orchestre a vu ses performances de 2010 au Symphony Space de New York qualifiées d'« impressionnantes », de « puissantes », de « flamboyantes » et de « raffinées » par le New York Times. Grâce à son jeu dynamique et sa programmation d'avant-garde, il a été distingué parmi les nombreux orchestres de la ville.

Au moment de cet enregistrement, le St.PCP avait déjà joué plus de 150 œuvres dont plus d'une douzaine de premières mondiales, fait connaître au public saint-petersbourgeois plus de 30 jeunes musiciens, chefs d'orchestre et compositeurs de 15 pays différents (comme la très prometteuse violoncelliste Alisa Weilerstein). Il avait également joué les œuvres d'environ 40 compositeurs américains et russes vivants dont les premières russes des œuvres écrites par des compositeurs américains récompensés par le prix Pulitzer : Steve Reich, Steven Stucky et John Adams, et les nouvelles œuvres des compositeurs les plus reconnus à Saint-Petersbourg : Sergei Slonimsky, Leonid Rezetdinov, Alexander Radvilovich, Anatoly Koriolov et Boris Tischenko. www.st-pcp.org

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ КАМЕРНАЯ ФИЛАРМОНИЯ была основана в 2002 году с целью культурного обмена между Соединенными Штатами и Россией и с тех пор стала одним из самых интересных и прогрессивных камерных оркестров Санкт-Петербурга. С начала своего существования СПбКФ выступала на сценах основных концертных залов города и приняла участие в его важнейших фестивалях, включая Международный фестиваль «Музыкальный Олимп», Международный фестиваль новой музыки «Звуковые пути», Международный фестиваль «Петербургская музыкальная весна», 5-й ежегодный фестиваль «Японская весна в Санкт-Петербурге» и музыкальный фестиваль «Авангард в наши дни». New York Times охарактеризовала выступление Санкт-Петербургской камерной филармонии под руководством художественного руководителя Джеффри Майера в культурном центре Symphony Space в Нью-Йорке в 2010 г. как «впечатляющее», «замечательное», «виртуозное» и «отточенное». Благодаря своим динамичным выступлениям, а также новаторским программам концертов Филармония выделяется среди других оркестров города.

СПБКФ исполнила более 150 произведений, среди которых было несколько мировых премьер. Она представила петербургской публике более 30 молодых музыкантов, дирижеров и композиторов из 15 стран (например, подающую надежды виолончелистку Алису Вайлерштейн), исполнила сочинения 40 ныне здравствующих американских и российских композиторов, включая российские премьеры работ таких американских композиторов и лауреатов Пулитцеровской премии, как Стив Райх, Стивен Стаки и Джон Адамс, а также новые сочинения таких именитых композиторов Санкт-Петербурга, как Сергей Слонимский, Леонид Резетдинов, Александр Радвилевич, Анатолий Королев и Борис Тищенко. www.st-pcp.org

"Troika", drawing by M. Lermontov, ca. 1833

Produced by Rideau Rouge Records. Chloë Nicolas, artistic director
Recorded at Petersburg Recording Studio 19, 20, 26, 27, 28 December, 2009

Special thanks to Yuri Kot
for generously providing Julia Kogan's concert gowns
www.yourikot.com

Sound production and editing - Aleksei Barashkin
Booklet and cover design - Christophe Daymié

www.juliakogan.com

Rideau Rouge
Records
RRR

harmonia mundi
distribution

TROIKA

JULIA KOGAN, soprano

JEFFERY MEYER, conductor

St. PETERSBURG CHAMBER PHILHARMONIC

RUSSIA'S WESTERLY POETRY IN THREE ORCHESTRAL SONG CYCLES

"there..." • "Sing, Poetry" • "Caprice étrange"

Russian, French and English poems
by Brodsky, Lermontov, Nabokov, Pushkin, and Tyutchev

Music by Aboulker, Barbotin, Bekmambetov, Greenberg,
DeMars, Rubtsov, Schelle, and Zhurbin

TROIKA

Julia Kogan, soprano
Jeffery Meyer, conductor
St. Petersburg Chamber Philharmonic

RUSSIA'S WESTERLY POETRY IN THREE ORCHESTRAL SONG CYCLES

"there..." Eskender Bekmambetov (2006) Russian poems with self-translations into English by Joseph Brodsky

1. *The Fifth Anniversary* (5:51) Russian and English versions
2. *Stone Villages* (4:21) Russian and English versions
3. *Folk Tune* (2:08) Russian and English versions
4. *Lullaby* (4:44) Russian and English versions
5. *The New Jules Verne I* (6:01) Russian version
6. *The New Jules Verne II* (7:36) English version

"Sing, Poetry" (2009) Russian poems with self-translations into English by Vladimir Nabokov

- Дождь пролетел / The Rain Has Flown*
7. Russian version (3:02) Lev Zhurbin
 8. English version (4:02) Michael Schelle
- Ещё безмолвствую / I Still Keep Mute*
9. Russian version (3:12) Andrey Rubtsov
 10. English version (3:49) Jay Greenberg
- Прованс / Provence*
11. Russian version (4:26) Ivan Barbotin
 12. English version (3:34) James DeMars

"Caprice étrange" Isabelle Aboulker (2008)

13. *Mon Portrait* (2:37) French poem by Aleksandr Pushkin (arr. Eskender Bekmambetov)
14. *Quand je te vois sourire...* (1:54) French poem by Mikhail Lermontov (arr. Eskender Bekmambetov)
15. *Nous avons pu tous deux...* (2:26) French poem by Fyodor Tyutchev (arr. Eskender Bekmambetov)
16. *Jusqu'au plaisir de nous revoir* (4:50) French poem by Aleksandr Pushkin (arr. Misha Rachlevsky)

Total time 64:46

Recorded at Petersburg Recording Studio 19, 20, 26, 27, 28 December, 2009, Aleksei Barashkin, sound engineer

2011 RIDEAU ROUGE RECORDS / HARMONIA MUNDI

Rideau Rouge
Records

harmonia mundi
distribution

Booklet in English, French, and Russian / *Livret en anglais, français et russe / Буклет на английском, французском и русском*